

Михаил Нестеров

Оружие уравнивает всех

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179327
Оружие уравнивает всех: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-30366-3*

Аннотация

Адвокат Алексей Николаев берется за весьма запутанное дело. Его подзащитную Ирину Бекатору обвиняют ни много, ни мало в убийстве собственного ребенка. Хотя в действительности ее дочь была похищена жрицей культа Вуду по прозвищу Мамбо, которая оставила в квартире Ирины жертвенный труп схожей девочки. Чтобы отыскать настоящую дочь своей подзащитной, Николаев со спецназовцами ГРУ, прошедшими не одну горячую точку, отправляется в Камерун... Кто бы знал, что за всем этим скрывается настоящая фабрика преступлений, и малолетние жертвы – товар для подпольной организации по торговле органами...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Нестеров

Оружие уравнивает всех

Автор выражает особую признательность автору книги «Поезжай и умри за Сербию!» Юрию Хамкину за использование его материалов в своей книге.

Эта книга основана на реальных событиях, однако сюжет и персонажи вымышлены. Всякое сходство с действительным лицом чисто случайное. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

*Меж светом и тьмой останься собой...
Из ритуала вуду*

Глава 1

Москва, 2007 год

Лет двадцати восьми полноватый пограничник внимательно изучал паспорт с тисненными буквами на обложке – *Republique du Cameroun*. Сличив фото молодой чернокожей женщины с оригиналом, он вернул ей документ. Она поблагодарила его по-французски:

– Мерси.

Перекинув через плечо ремешок кожаной сумочки и подхватив багажную сумку на роликах, она отошла от кабинки, уступая место следующему пассажиру, прибывшему из Камеруна.

Она родилась в Джанге – пожалуй, лучшем местечке Западного Камеруна, где на высоте около полутора тысяч метров нашел себе место горный курорт; он был построен еще в 1942 году для французских офицеров. В этом городке с целебным воздухом и микроклиматом со щадящей для Африки температурой было все, чем славился этот регион, также носящий название Английский: пальмы, зеленые холмы, плантации трубочного табака; есть даже водопад, который знаменит больше домиком, где камерунцы оставляют дары фее, считающейся богиней Мами Вата.

И это было настоящее имя камерунки. Но ее чаще всего называли Мамбо – жрицей культа вуду.

Мамбо бросила взгляд на наручные часы, сверилась с цифрами на светящемся табло терминала и снова огляделась. Она впервые видела столько белых: один, два, группа, целая толпа... нездоровых людей. Воображение нарисовало перед глазами космопорт, таможенный и паспортный терминалы проходят прибывшие на планету Земля инопланетяне. Она – начальник космопорта и фильтрует гостей с багажными сумками, чемоданами, невиданной формы баулами: этого в карантин, этих прямиком в печь. Она даже рассмеялась – так реально она представила себе пусть короткую, но яркую картину. И сосредоточилась на другой теме. Перед отлетом султан сравнил Россию с Камеруном. Она нахмурила лоб, пытаясь точно воспроизвести слова Ибрагима. Он что-то говорил о зависимости от цен на нефть, о коррупции, но эта тема ее не интересовала, поэтому пролетела мимо ушей. Ах да, вспомнила она: султан говорил о женщинах, о стремлении женщин выглядеть лучше. Его речь

сводилась к следующему предостережению: Мамбо, как и другие камерунские женщины, «ориентированы на преуспевающих заграничных мужчин, которые забрали бы их к себе за тридевять земель, и где они, в их представлении, должны сидеть дома, выходить только в бутики и больше ни черта не делать». И вот она в этом самом тридевятом царстве, вокруг полно преуспевающих белых мужиков, а соблазна «сориентироваться» на ком-то одном и жажды броситься в бутик нет и в помине.

Она обменялась взглядом с подругой по имени Ниос; та подошла к окошку и подала документы русскому пограничнику, зеленоватая форма которого придавала его лицу покойнический вид. Ниос держала на руках пятилетнюю девочку, которая в документах была записана как ее дочь. Она проплакала всего лишь час из семи часов полета, остальное время либо спала, либо завороченно смотрела на облака, которые для нее были самым удивительным на свете зрелищем. Да и сама Ниос была зачарована и едва не свернула шею, глядя в иллюминатор; когда еще она полетит на самолете?.. Только обратно; и произойдет это ровно через две недели.

Позади нее стоял пожилой белый мужчина. Знакомство на борту самолета он начал с жалобы. Дело в том, объяснял он, что рейсы из столицы Камеруна в столицу России осуществляются два раза в месяц – и то с апреля по сентябрь, а с сентября по апрель – один раз, – да билет стоит пятьсот баксов. Он еле-еле дождался своего часа, отчего-то сравнив себя с археологом; кто он на самом деле по профессии, так и осталось загадкой. Откровенно говоря, он облизывался на Ниос, как бы невзначай касался ее плеча, в иллюминатор смотрел сквозь ее гордый профиль, дышал через ее стройную шею; но его грудь вздымалась чаще, чем грудь чернокожей красавицы. Она на его вопросы отвечала вяло, с неохотой, будто опасалась «проклятья султана Ибрагима», запугавшего женщин бутиками, откровенной ленью и прочей ерундой. Ниос 23 года. Ее так называли в честь озера, которое за год до ее рождения «выплеснуло из себя все ядовитые газы, скопившиеся внутри за годы вулканической деятельности». – «Да что вы говорите!» – обалдел седой ловелас. И торопил воздушную попутчицу глазами и жестами: «Дальше, дальше!» Короче говоря, его сильно интересовало количество жертв, больше ничего. И Ниос сказала: «Жертвами газов стали около двух тысяч человек в окрестных деревнях. Газы из озера поперли ночью, так что многие умерли во сне».

Пограничник вернул женщине документы, и Ниос, одарив его улыбкой и щелкнув по носу девочке, примкнула к подруге. Теперь они вдвоем сосредоточили свое внимание на паспортной стойке, в этот раз показавшейся Мамбо конвейером.

Пройдя паспортный контроль, пожилой мужчина кивком головы попрощался с африканками, пролетев мимо на приличной скорости. Его место занял худощавый парень лет двадцати восьми по имени Кимби. Он телосложением мало отличался от гориллы, которых полно в одноименном заповеднике у подножья горного массива. Кимби родился в городке Кумбо, который славился своими скачками, проходящими там каждый год в конце ноября. Жрица видела его в прошлом году. Как и остальные наездники, он вырядился в яркие одежды, являя собой раба местного султана, хотя являлся рабом другого, отпустившего его на праздник. И там он как бы олицетворял свой народ – любил жить и жаждал умереть красиво.

Вот и он прошел последний рубеж проверки и присоединился к женщинам. Последним из их компании паспортный контроль проходил камерунец по имени Леонардо.

В этот раз в Москву с туристическим визитом прибыло всего двадцать пять человек – кто из Английского Камеруна, кто из Мусульманского, кто из Французского. На вокзальной площади их поджидал автобус с тонированными стеклами. Едва гид рассадил гостей столицы, водитель незамедлительно тронулся в путь.

Из особняка на Поварской улице, 40, где разместилось посольство Камеруна в Москве, выехал «Ниссан» с чернокожим водителем за рулем. За четыре года работы в российской столице он привык к дорожным заторам. Он никогда не пользовался приемниками «джи-пи-эс» – его лучше всего ориентировали радиоволны. Вот и сегодня, прослушав сообщения водителей, сливавших информацию на радиостанции, не поехал по Поварской улице, иначе уперся бы в сплошной поток машин на Новинском бульваре. Он сделал порядочный крюк и выехал на Садово-Кудринскую через Никитские – Малую и Большую улицы. К станции метро «Баррикадная» он подъехал с запасом в пятнадцать минут. Но, слава богу, отметил он, Мамбо и Леонардо, одетые неброско – в джинсы и клетчатые рубашки, со «студенческими» рюкзаками за спиной, – уже были на месте; он узнал их по описанию. О ребенке он вспомнил только тогда, когда перебрал в уме всех четверых соотечественников, прибывших в Россию по туристическим путевкам; 23-летняя Ниос числилась матерью девочки. Дипломат даже содрогнулся, представив почти невероятное: *ребенка, уложенного в рюкзак*. Когда Леонардо, пропустив вперед Мамбо, сел на заднее сиденье и хлопнул дверцей, он действительно вздрогнул. И только потом поздоровался. И осведомился о здоровье султана.

Мамбо и ее товарищи находились в Москве уже три дня и мало-помалу принарабатывались к сумасшедшему ритму мегаполиса. А если быть точнее, то московская скорость, ее бесноватая организация взяла их за горло и не отпускала. Они влились в неорганизованный поток, форма которого пульсировала, но не менялась. Лично Мамбо пришлось согласиться с высказыванием: человек разумен, толпа – нет. Но именно в толпе она почувствовала себя ее частью, пусть даже это звучало противоречиво. И подтвердилось это в ее ответе на вопрос дипломата – тот спрашивал о здоровье султана.

– Как обычно, – ответила она. Как обычно, и все. Будто речь шла о температуре покойника. Такого ответа она не позволила бы себе три или четыре дня назад.

Но, похоже, дипломат проглотил ее короткую, как икота, реакцию на свой вопрос, даже не заметив этого.

Он был уроженцем Фумбана, а значит, земляком и Мамбо, и ее товарищам, но прежде всего – человеку, образ которого последние дни не выходил у него из головы: султана, непрекаемого авторитета в Английском Камеруне. Во многом благодаря султану он получил образование, работу, и не в соседнем Чаде или Габоне, а в столице самой огромной страны мира.

Султану было пятьдесят два, а выглядел он на сто четыре. Он был болен последние несколько лет: плохая проприоцепция. Без помощи зрения он не способен ходить, что-то брать в руки – просто не чувствовал предмета: мог идти, тогда как мозг мог отправить ему сигнал, что он стоит на месте. Не сама болезнь, но мысли о своей немощи состарили его.

Дипломат немного помедлил, прежде чем вынуть из кармана пиджака, купленного в Москве, сложенный вчетверо лист бумаги.

– Здесь вся информация, которая вам нужна для работы. – Он говорил по-французски. – Прочтите несколько раз, запомните, бумагу у вас я заберу. Не стесняйтесь читать вслух. Это касается и тебя, – он, полуобернувшись в кресле, в упор посмотрел на высоченного Леонардо. – Забудет что-то она (кивок на Мамбо), вспомнишь ты.

– Конечно, – коротко ответил Леонардо, получивший это имя за то, что мальчишкой соорудил в своей деревне водяную мельницу на спицах, подобно велосипедным. Его двоюродная сестра была четвертой женой султана Ибрагима и родила ему шестнадцатого наследника.

– Я не рекомендовал бы вам тянуть с работой до последнего дня. Иначе может случиться так, что вам уезжать, а клиентки не будет дома. Лучше всего сделать работу за три или четыре дня до вашего отъезда.

Посольский работник опустил стекло со своей стороны и прикурил дорогую коричневатую сигарету. Он был брит наголо, и единственной растительностью на лице были аккуратно постриженные усики. Он продолжил, выпуская дым через окно:

– Не покупайте в магазинах и киосках вещи, которые вы собираетесь использовать в работе. По ним на вас может выйти милиция. Все необходимое вы получите от меня. – Он снова выдержал паузу. – Давайте договоримся на завтра.

– Хорошо, – согласно кивнула Мамбо, не отрываясь от чтения. Она лишь чуть отстранилась от высоченного Лео, который, заглядывая в листок, прилип к ней.

– Давайте еще раз уточним список необходимых вещей, – предложил дипломат.

– Хорошо.

Как зомби. Дипломат едва заметно покачал головой. И не мог не отметить пугающей красоты ее бездонных глаз. Он многое бы отдал за то, чтобы изведать эту глубину, по сути – глубину ее сознания. Но для этого нужно долго смотреть в них... А про себя он вот в эту минуту мог сказать, что его содержание было так же уныло, как и его вид.

Выкурив сигарету, он затушил ее в пепельнице и задвинул обратно в панель. Уточнив список вещей, он распрощался с соплеменниками. Подумал о том, возвращаясь в посольство, что эта ночь будет одной из самых тяжелых.

Мамбо мысленно отмечала детали так, будто разговаривала с дипломатом, а заодно сверялась с планом намеченных действий, не отступая ни на йоту. И так пункт за пунктом.

Он сказал, что за этим домом не ведется видеонаблюдение. Все верно. Он был расположен так, что видеокамеры, установленные на порталах магазинов и углах зданий, не могли запечатлеть подступы к девятиэтажному жилому дому.

Он лично устанавливал марку домофона и отметил важную деталь: его устройство не позволяло ему записывать переговоры и снимать всех, кто входил в подъезд. Он в послеобеденный час еще раз проверил надежность магнитного замка. Замок открывался, посылая мелодичный сигнал, и помигивал красноватым индикатором.

Внутри нет консьержки. В вечерний час можно встретить на лестничной клетке между первым и вторым этажом подростков с пивом. Их присутствие можно заметить еще на первом этаже и при открытой парадной двери: ощущался сквозняк. Поскольку подростки всегда открывали окно – на случай появления милиции – и уходили по крыше магазина, заставленной вентиляторами сплит-систем, рекламными щитами, заваленной мусором.

Последний пункт был очень важен. Операция могла сорваться, если в подъезде окажутся подростки; почти все они в этом районе принадлежали к группировкам скинхедов. Шума не миновать, если они нос к носу столкнутся с африканцами. К тому же у скинхедов была причина проводить время именно в этом подъезде.

Наконец группа африканцев приступила к реализации плана.

Двое мужчин, двое женщин, одна из которых держала на руках чернокожего малыша, подошли к подъезду. Мамбо вынула из кармана магнитный ключ и вставила его круглую головку в выемку замка домофона. Тотчас раздался сигнал, и замок приветливо щелкнул языком. Негритянка, глядя на решетку с переговорным устройством за ней, не могла отделаться от тягостного чувства слежки за собой. Даже сумела представить, как ее изображение разглядывает на экране монитора полицейский. Точнее, милиционер.

Тяжелая дверь приоткрылась. Первым в полусумрак подъезда шагнул Леонардо. За ним последовали Ниос с ребенком и сама Мамбо. Замыкал шествие здоровяк Кимби.

Они остановились напротив лифта. Леонардо нажал на кнопку вызова и оглянулся. Взгляд его проскакал по ступенькам и остановился на широком подоконнике, похожем на витрину пункта приема стеклотары. Бутылок много, даже на площадке, можно предпо-

ложить, что скинхеды были здесь совсем недавно. Ушли. Скоро вернутся? Уже неважно. Потому что кровь поменяла состав; в адреналине, разбавившем ее, можно было задохнуться.

Вперед! Мамбо жестом руки поторопила товарищей и зашла в кабинку последней, нажала на кнопку шестого этажа, мысленно представила квартиру номер тридцать два – она справа от лифта. И только сейчас подумала о серьезном просчете в плане операции. Все дело в домофоне, на который Мамбо обратила особое внимание. Хозяйка не заподозрит ничего плохого, когда услышит в трубке приветствие на французском, но насторожится, когда тот же голос прозвучит за дверью ее квартиры. Как гости из далекой африканской страны сумели проникнуть в подъезд? Может быть, вошли с кем-то из жильцов? Вот именно – может быть.

И Мамбо приняла непростое решение.

– Спуститесь на пятый этаж, – распорядилась она, кивнув мужчинам. – Ждите нас. Без моей команды не трогайтесь с места, – добавила она.

Леонардо и Кимби послушно вышли из кабинки. Мамбо нажала на клавишу первого этажа и, пока лифт спускался, объяснила подруге свои сомнения. Та покивала: все правильно.

Им пришлось выйти из подъезда и закрыть дверь. Мамбо оглянулась. Подумала, что им повезло: никто из немногочисленных прохожих в этот предзакатный час не обратил на них внимания. Она поочередно нажала три клавиши – номер квартиры и ввод, перевела дух, вот только теперь замечая, что дыхание у нее сбилось, как после утомительного бега.

– Да? – услышала она женский голос.

– Бонжур, Ирина, – поздоровалась Мамбо, приблизив губы к решетке переговорного устройства. – Меня зовут Маами. Со мной Ниос.

Она замолчала, решив, что не стоит надавливать: нужно поговорить, впусти нас. Для хозяйки визит гостей из Камеруна – полная неожиданность. Именно непредвиденность заставит ее открыть дверь и не даст собраться с мыслями.

– Входите, – услышала Мамбо голос – низкий, показалось ей, как спросонья.

И – знакомый уже щелчок дверного замка.

Поднимаясь в лифте, Мамбо облегченно вздохнула и подняла большой палец, посылая этот жест подруге; на мгновение потупила взор, когда два взгляда – ее и пятилетней девочки на руках Ниос – перехлестнулись.

Она рассчитала все правильно. Едва они вышли на шестом этаже, тут же увидели хозяйку на пороге квартиры; ее поза, взгляд не могли обмануть: она была готова захлопнуть дверь в любое мгновение.

И снова Мамбо повела себя более чем разумно. Она разглядывала, не двинувшись с места, хозяйку до тех пор, пока двери лифта не закрылись с характерным шумом.

– Бонжур, – еще раз поздоровалась она, видя, как слетает с лица этой белой женщины тревога, будто тают у нее во рту отзвуки набата. Ее взгляд потеплел, когда она увидела ребенка.

– Здравствуйте. Проходите, – поторопилась она, пропуская гостей в квартиру.

Первой порог перешагнула Ниос с девочкой, кивнув в знак приветствия хозяйке, второй – Мамбо, снимая на ходу с плеч свой «студенческий» рюкзачок.

Она долго репетировала эти движения, которые слились воедино: откинув клапан рюкзака, Мамбо выхватила тяжелую статуэтку, завернутую в полотенце, и ударила ей хозяйку по голове. Резко обернулась и сощурилась, когда услышала детский голос из глубины квартиры:

– Мама, кто к нам пришел?

– Успокой девочку, – тихо сказала Мамбо подруге. А сама, подхватив безжизненное тело под мышки, оттащила его от двери. Отворив ее, тихо позвала мужчин. Несколько мгновений, и все четверо африканцев были в квартире.

Эти дни не прошли впустую. Мамбо привезла с собой и нашла здесь немало предметов, чтобы изготовить куклу для ритуала. Специальный воск из человеческого жира был заменен воском из церковной свечи, костяную пыль заменила пыль с придорожных растений. Она состригла клочок волос с головы девочки, срезала с ее нарядного сарафана, купленного в столичном универмаге, пуговицы. Она постаралась, чтобы кукла была похожа на жертву, но прежде всего она должна была иметь материальную связь с ней, содержать то, что жертве принадлежало: волосы, ногти.

Мамбо работала над куклой не спеша и непрерывно напевала себе под нос, как требовал того ритуал. Работа заняла не меньше четырех часов. Наконец, кукла была готова, и Мамбо изобразила на ней символы мести.

В голове Мамбо звучал голос султана Ибрагима: «Мы дадим ей посмотреть на то, что живые видеть не могут». Это была традиционная фраза; она звучала всякий раз, когда намечалась жертва.

Все четверо камерунцев, проникшие в квартиру белой женщины, облачились в медицинские бахилы, одели резиновые перчатки. Две пятилетние девочки находились в спальне и, похоже, налаживали общий язык; что происходит за дверью, их не касалось. До поры до времени. Но вот, кажется, пора пришла.

Ирина сидела в кресле, широко открыв рот и пуская слюну на грудь; и если кровь гостей была разбавлена адреналином, то ее кровь отравлена растительным ядом. Она только-только приходила в себя, а страх уже заполнил каждую ее клетку; страх неосознанный, он не давал помутиться сознанию, не давал закричать. Она не могла сопротивляться. Но все видела и слышала, воспринимала и записывала весь предстоящий ужас в память.

Роли были распределены. Ниос, сняв маску, зашла в спальню и вывела из комнаты девочку, которая вместе с ней преодолела долгий путь из Камеруна. Передав ее Мамбо, она вернулась в спальню и осталась с дочерью хозяйки.

– Ты красивая, – сказала она. – Это ты на фотографии? – С этими словами Ниос подошла к изящной тумбочке, стоящей подле кровати, и взяла в руки снимок в деревянной рамке. На нем были изображены три человека: белая хозяйка, черный мужчина и черная девочка.

– Да, это я, – ответила она.

Они действительно похожи, покивала Ниос в такт своим мыслям и в который раз одобряя план, предложенный султаном. За дверью раздался легкий шум. Легкий, еще раз отметила женщина. Легкий потому, что трем взрослым сопротивлялся пятилетний ребенок. Шум стих. Ниос не могла ошибиться, представив, что девочку распластали на столе, заткнув ей рот. Ее глаза широко открыты от страха...

Леонардо держал ее за руки, Кимби – за ноги. И если последний отвел взгляд, то Леонардо впивал в себя, наслаждался страхом, который выплескивался из глаз девочки. И она по необъяснимой причине смотрела только на него...

Вместо серебряных ритуальных игл Мамбо использовала заколки для волос, которые нашла среди вещей хозяйки; на нее она пока внимание не обращала. Она сунула заколки себе в волосы и вынула из своей сумочки сверток, медленно развернула его и приподняла над головой куклу. При виде которой у хозяйки квартиры волосы поднялись дыбом.

У куклы, над которой жрица корпела несколько часов, было черное лицо: черный лоскут, пришитый к голове крупными небрежными стежками. Глазами служили пуговицы – выпуклые, блестящие, будто налитые слезами, точь-в-точь как у девочки, которую распластали на столе двое здоровых мужчин. Мамбо шагнула в сторону, давая хозяйке квартиры лучше видеть девочку, и занесла над тряпичной куклой заколку. Выдохнув, она воткнула заколку в грудь кукле. И тотчас грудь девочки на столе вздыбилась. Жрица задрожала от возбуждения: жертва чувствовала боль, будто ее кто-то резал раскаленным ножом, и боль сопровождалась судорогами мышц. Мамбо впервые в жизни готовила куклу в присутствии

жертвы и в этом плане сомневалась в результате. Ее присутствие могло свести на нет все усилия. С другой стороны, Мамбо опасалась, что первые же боли станут смертельными.

Она не могла найти в Москве свежей куриной крови и довольствовалась водой от размороженной курицы. Не могла не пожертвовать своей кровью, не вымыв, но испачкав в ней куклу.

Девочка уже во второй раз выгнулась и забилась в руках мужчин, в третий... Всего восемь раз жрица должна нанести ей повреждения, и с каждым разом страдания жертвы будут все сильнее. Жаль, не нашлось важнейших компонентов, иначе повреждения, причиненные кукле, были бы видны и на теле жертвы.

Жертва умрет. Рано или поздно, но умрет.

Вот сейчас, во время исполнения ритуала, жрица была обязана петь и тратить при этом немного своей крови. Но она была скована в своих действиях. Только у себя на родине, только в храме, который соседствовал с ее жилой комнатой, она была полновластной хозяйкой.

Мамбо нанесла кукле восьмое повреждение. Настала очередь нанести повреждение самой жертве.

Жрица принесла из кухни нож с широким и острым лезвием. Прежде чем разрезать маленькой жертве живот, она выполнила просьбу султана.

– Сейчас ты в могиле, – прошептала она на ухо Ирине, – а из могилы выхода нет. Смотри! – приказала она, повысив голос. И одурманенная хозяйка не могла противиться.

Нож острием своим коснулся низа живота девочки. Жрица сильно надавила, и лезвие вошло в живот наполовину. Из раны хлынула кровь, но Мамбо не обращала на нее внимание. Она встретила сопротивление напрягшегося тельца, когда резким движением вверх распорол ей живот. Девочка была еще жива, когда Мамбо вырезала ей кишки, а потом исполосовала ее лицо до неузнаваемости.

В руку Ирины ткнулась рукоятка ножа, и она машинально обхватила его. Потом приняла мертвое тело девочки и прижала его к груди. Прошли мгновения, и одежда ее пропиталась кровью.

Ниос еще не успела одеть дочь Ирины и на замечание подруги отреагировала резко:

– Это тебе не ножом махать. Раз – и готово!

Мамбо открыла рот. Но тотчас закрыла его. С лязгом зубов. Здесь не Африка. Здесь эта распоясавшаяся стерва может рассчитывать на снисхождение. И самой Мамбо придется терпеть ее выходки.

Мамбо принесла из кухни стакан воды, дала девочке таблетку и строго сказала:

– Выпей.

– Зачем?

Она так же говорила по-французски.

– Пей, тебе говорят.

Девочка надула губы, но натиску противостоять не могла. Пять минут, и она расслабилась на кровати.

Это время не прошло впустую. Ниос собрала кое-что из вещей девочки, включая игрушки и сотовый телефон, исполненный в детском варианте: всего несколько «горячих» клавиш на розовой панели в виде зайчика. Подхватив ее на руки, Ниос первой пошла к выходу.

В прихожей все четверо сняли бахилы, перчатки, маски и сложили в полиэтиленовый пакет. Спустившись на лифте, они снова поблагодарили судьбу: им никто не встретился.

Они хорошо изучили маршрут, которым уходили с места преступления. Шли долго, около получаса, и только потом решили остановить такси. Молчаливый частник на минивэне доставил их к гостинице.

Мамбо, в обратном порядке проходя таможенные и паспортные процедуры, вдруг понадеялась на то, что и в этот раз встретит знакомого пограничника – чуть полноватого парня. Если бы не его пронизательный взгляд, его лицо можно было бы называть добрым. Его глаза не принадлежали ему, но работе. В представлении Мамбо, которая в эту самую минуту слышала шум дождя и пение птиц на своем континенте, а звуки аэровокзала воспринимала как фон, он приходил на работу и менял глаза, вынимая их из своего шкафчика. Она немного пожалела о том, что сегодня с утра приняла наркотическое снадобье, которое можно приготовить только в одном месте – в Африке. Самый лучший гашиш или опиум не сравнится с ним по чистоте и силе воздействия. На европейца он не произведет нужного воздействия, чего не скажешь об африканце. Он не уносил вдаль, он приближал все то, к чему тебя манит. Мамбо манила родная земля, по которой она соскучилась, и вот она услышала звуки водопада, шелест бамбуков, пение птиц и выкрики обезьян.

Африканские растения могут все. Одно из них убивает вирус иммунодефицита человека. Но, поскольку растение являет собой сам яд, оно убивает и самого человека. Мамбо улыбнулась. Поймав неодобрительный взгляд подруги с девочкой на руках, изменилась в лице и чуть слышно прошептала:

– Не твое дело.

О чем она думала? Какую светлую мысль прервала эта дура, уже во второй раз играющая роль матери? *Во второй раз и с другим ребенком.*

Мысли ребенка также не уносились вдаль, но притягивали все самое светлое. Кто знает, может быть, эта девочка, которая никогда не видела экваториальных лесов и гор, причудливых птиц и животных, мыслями с ними. Или они с ней.

Ей хорошо. Она третий день находится на вершине блаженства, куда ее, оберегая по пути, доставили четыре человека. Она окружена облаками, которые отчетливо видны в иллюминатор.

И Мамбо вспомнила, на чем оборвались ее мысли. Она думала о полноватом пограничнике и его пронизательном взгляде. Но вот сейчас, когда Мамбо стряхнула с себя дурман, ей эта встреча показалась губительной. Пограничник может распознать подмену. С другой стороны, девочки были похожи как близняшки. Да и Ниос постаралась: всего за несколько часов она сотворила на голове ребенка «газон» – множество дредов; в некоторые из них он вплела тонкие полированные косточки из косичек жертвы.

А вот и он.

Мамбо скорее обрадовалась, чем испугалась, увидев «старого знакомого». Чем была вызвана такая противоречивая реакция, она не понимала.

Встретившись с ним взглядом, Мамбо улыбнулась ему. Она не ждала ответной реакции. Просто настал такой момент, когда окружающий мир перестал для нее существовать. Только она и он. Поединок? Нет. Больше похоже на вызов, что сама Мамбо истолковала как испытание.

Его звали Вадимом, и у него было свободное от дежурства время. Он вышел к стойке с кружкой кофе и без видимого интереса поглядывал на пассажиров, вылетающих в Камерун. Взгляд его скользнул, а потом надолго остановился на красивой негритянке; не сразу, но он вспомнил ее, чему способствовала еще одна темнокожая женщина с ребенком на руках. Да, он видел их дней десять... а если точно, то две недели назад.

Вадим пошел против всех правил, когда сначала ответил улыбкой на улыбку Мамбо, а потом приблизился к стойке вплотную, чем вызвал удивление напарника, который в это время рассматривал под ультрафиолетом паспорт стоящей впереди Мамбо женщины.

«Уже улетаєте?» – он пошевелил пальцами, приподнимая руку.

Мамбо чуть округлила глаза и послала ему новую улыбку.

«Уже».

Следующий жест пограничника расшифровался не так легко, но Мамбо все же поняла его. Он спрашивал, показывая бокалом на Ниос и ребенка: «Малышка, видимо, перебрала впечатлений». Тут он склонил голову и приложил ладонь к щеке. «Устала».

Устала.

И тут черт дернул девочку поднять голову с плеча Ниос и посмотреть прямо в глаза пограничнику, паспортисту, буквально в упор. Мамбо замерла. По ее лицу можно было прочитать многое, но, слава богу, Вадим смотрел не на нее. Он нахмурился, вспоминая что-то, скорее всего – реконструируя картину двухнедельной давности. Интересно, получится это у него? – почти равнодушно задалась вопросом Мамбо. Он восстанавливал картину по сохранившимся остаткам фрагментов, но хватит ли их для того, чтобы закончить хотя бы часть, ту часть, которая даст ему повод к настоящим сомнениям, а не их теням, покрывшим его лицо? Пожалуй, Мамбо могла признаться себе, что ей интересно ходить по лезвию ножа.

Нет, фрагментов, чтобы завершить картину, у него не хватило; не хватило «элементарных частиц». Его лицо снова стало добрым; его глаза, ставшие на короткие мгновения пронищательными, опять по-хорошему заблестели. В этом блеске можно было различить даже тень сомнения. О, эти тени, едва ли не насмешливо пронеслось в голове Мамбо, без них никуда.

А вот и ее очередь. И снова она бросает взгляд на пограничника – очень короткий, чтобы и он смог почувствовать смущение и капельку игры. Легкий флирт за гранью риска. Но он будет оправдан. Он придаст уверенности.

Уверенная в себе, одержавшая победу Мамбо уводила за собой взгляд пограничника. Она обезоружила и Вадима, и его напарника, озадаченного странным поведением партнера. В его действиях просквозила растерянность, когда он сличал фотографии – по документам, матери и дочери. А Мамбо в это время размышляла над словами султана: «Для белых все черные, желтые и красные на одно лицо». Она только отчасти с ним соглашалась. Потому что для черных все белые одинаковые. А это далеко, далеко не так.

Самолет взмыл в небо. Мамбо первым делом попросила стюардессу принести ей виски или коньяк – на ее выбор. Потягивая обжигающий напиток с чуть приметным привкусом шоколада и миндаля, она выгоняла из мыслей и души все, что оставил там наркотик. Теперь ей незачем было «приближать» ощущения и что-то реальное: звуки и запахи дождя, завораживающее пение птиц и мягкий шелест их крыльев. Она неслась навстречу этим ощущениям. И даже подумывала о том, чтобы возразить султану: какие к черту «ориентировки на преуспевающих белых мужиков; какие к черту бутики и дом-крепость». Считай, она сбежала из тридевятого царства и соблазнов, которые окружали ее.

Просто она возвращалась домой. Этим и объяснялись ее противоречивые – когда смелые, а когда робкие – мысли.

Глава 2

Тель-Авив

Юлий Вергельд не считал, что его взяли за жабры. Но в таких случаях, как этот, ему трудно было дышать.

Он был гостем в этом кабинете, который окрестил «музеем одной восковой фигуры». Позади него открывался вид на пыльную в это время года улицу. Живая картинка за стеклом была расчленена пластинами жалюзи и походила на телевизионную, рассеченную помехами, и на этом фоне гость выглядел более чем живым. Его собеседник, устроившийся в кресле напротив, был полной противоположностью Вергельда; именно он выглядел восковой фигурой. Причина его безжизненного лица крылась за длинными шрамами на поясице. Ему было за шестьдесят, тогда как трансплантированная ему почка была взята от четырнадцатилетнего мальчика.

Операция происходила по строго расписанному плану. Самолет частной авиакомпании доставил Аарона Штайнера на его родину – в столицу Эстонии, откуда он иммигрировал в 1985 году. Вместе с ним на борту находились двенадцать человек медицинского персонала, четырнадцатилетний донор и восемь человек службы безопасности. Эскорт из нескольких машин, включая два реанимобиля, доставил Штайнера в таллинскую Центральную больницу. Он впервые увидел магическое действие собственных денег. Каталка, на которой его везли в операционную, была изготовлена в Германии, медицинское оборудование в операционной, куда его после соответствующих процедур привезли, было закуплено в Соединенных Штатах.

Он мог бы назвать операционную двухместной – рядом с одним операционным столом находился другой, с чернокожим мальчиком, которого уже накрыла ледяная волна наркоза, – но он гнал «слезливые» мысли прочь. Донор спит, он уже ничего не почувствует, считай, он уже на том свете, в раю, в самом лучшем его уголке. И вообще он не представлял себе, что такое настоящая боль, что такое конец. Аарон Штайнер много раз находился на краю. Впервые он подошел к краю восемь лет назад – тогда нуждался в срочной операции по трансплантации почки и даже нашел человека, который дал согласие стать его донором. Но вот комиссия, выдающая разрешения на операции по трансплантации донорских органов, отказалась дать согласие на операцию. То есть ему дали понять, что от него ждут денег. Он дал много денег. И когда он, лежа на операционном столе, вдруг услышал жуткое слово «отторжение», едва не сорвал маску, которая заботливой рукой громилы-анестезиолога накрыла его рот и нос. «Что?!» – хрипло спросил он, проваливаясь в темноту. И уже оттуда, беспомощно болтаясь в пугающей темноте, услышал ответ: отторжение донорского органа, изъятого из трупа, может произойти и через несколько лет после операции. Кто и зачем напугал его, Аарон объяснить не мог. Первый год после операции он провел в страхе, каждую минуту ожидая «обещанного» отторжения. Когда он мочился, то сканировал каждую каплю мочи, будто мог что-то определить в желтоватых, пахнущих витамином брызгах. Второй год прошел более или менее спокойно. Третий еще лучше. Наконец, накануне отторжения, которого он так боялся, он решил вернуться на работу.

Он потерял сознание по пути к месту работы, на заднем сиденье «Мерседеса», а очнулся в стерильной атмосфере клиники. Врач с каменным лицом зачитал ему приговор. Он будет нуждаться в диализе – собственно, фильтрации, которая мало чем отличается от очистки сточных вод, – три раза в неделю. Ему предстоят десятки операций, может быть, даже две-три за месяц. Аарон чуть слышно прошептал: «Как долго... это продлится?» Он знал ответ: пока не умрет. Но услышал другой: «Вам нельзя пересаживать трупную почку.

Вам может подойти только почка живого донора. Хотите поговорить с одним человеком?» У Штайнера хватило сил на шутку: «Он донор?» Врач скупно улыбнулся, с трудом раздвинув закаменевшие губы. Штайнер предположил, что разговор может состояться, когда ему будет лучше. Но тут же прогнал эту глупость: *лучше ему уже не будет*. Он угадал, вслух предположив: «Этот человек за дверью?» И через несколько секунд он впервые увидел Юлия Вергельда, действительно пышущего здоровьем. Штайнер не мог думать ни о чем другом, кроме донорских органов, и совершенно трезво предположил, что у Вергельда пересажены все органы – почки, сердце, печень, толстая кишка, даже хрусталики сияющих бриллиантами глаз.

– Меня зовут Юлий, – представился Вергельд, присаживаясь в ноги полутрупа и едва сдерживая пренебрежительную гримасу. – Мы с вами земляки – я родился в Союзе, – перешел он на русский язык. – Мы вдвойне земляки: я родом из Таллина.

«К черту Таллин!»

– Вы врач?

Вергельд был похож на кого угодно, даже на монтажника-высотника, но только не на человека с гуманной профессией.

Он покачал рыжеватой шевелюрой и выгнул бровь, как бы спрашивая: «Разве нужно отвечать на ваш вопрос?»

И начал с того, что привел статистические данные:

– Согласно обновленной информации, на сегодняшний день в Израиле пятьсот больных стоят в очереди на операцию по пересадке почки. Вы в их числе. Уже в их числе, – внес он поправку. – Хотя еще пару дней назад в моей базе данных вашей фамилии не было.

– Вы ведете статистику?

– Мониторинг – часть моей работы. За прошлый год было сделано сто пять операций, – продолжил он, вставая и направляясь к окну. – Ровно в ста случаях больным пересадили почку умерших людей, в пяти случаях почка была получена от живых доноров.

– Вы представляете какую-то организацию, фирму? – спросил Штайнер. – Вы посредник? Сколько денег вы хотите за то, чтобы сократить число посредников до приемлемой цифры?

И только сейчас с ужасом подумал о том, что похож на выпотрошенную рыбу. «*Бог мой*, – чуть слышно прошептал он, – *у меня нет почек*». У него не было естественного фильтра, который выводил из организма избыток воды, солей, токсичных соединений. Он лишился регулятора крови, железы внутренней секреции... Он физически почувствовал заднюю стенку брюшной полости, забрюшинное пространство... которое стало огромным. Та почка, что лежала слева от позвонков, была удалена восемь лет назад, а та, что справа, покинула свое место всего два дня назад.

– Да, я представляю фирму, – ответил на вопрос Вергельд. – Не посредническую, нет. Мы не занимаемся поиском доноров, мы организуем финансирование операций. Мы искореняем болезнь, а не делаем ее приятной. – Он сделал жест рукой, означающий одно: «Терпение, мой друг, терпение». – Однако у меня появился выход на людей, обладающих подходящим для вас материалом.

– Что это значит?

– Я говорю о доноре, – был вынужден объяснить Вергельд. – У него отличное здоровье, подходящая группа крови. Вы, наверное, знаете, что рост почек происходит в несколько этапов.

Штайнер кивнул: да. Он, конечно же, знал об этом. В первые три года масса почки увеличивается в три раза; рост почек до тринадцати лет незначителен. Существенное увеличение происходит в возрасте тринадцати-четырнадцати лет.

– Что вы сказали, простите? – встрепенулся он, пропустив мимо ушей слова Вергельда.

Тот вынужден был повториться:

– Донору четырнадцать лет. В этом возрасте заканчивается существенное увеличение почек и они готовы для трансплантации.

«Господи, он говорит о почках, как о винограде, – пронеслось в голове Штайнера. – Впрочем, – припомнил он, – трансплантация применяется и в садоводстве». Он подумал о прививках.

– Но большому счету, я продаю не материал, не орган, я продаю жизнь. И неважно, что поймал я ее на лету, как жар-птицу за хвост. – Он наглядно продемонстрировал это, крепко сжав кулак. И умирающий схватился за сердце, которое билось и в груди, и в руке этого странного человека.

– Вы согласны убить, чтобы жить? Убийство ради жизни – это прекрасно.

«О чем он говорит? Ах, да...»

Убить. Штайнер был готов убить, освежать труп, отсечь голову, через горловину добраться до заветного органа и сунуть его в свое измученное тело. И если остановившееся сердце заставляет сокращаться ритмичные движения рук, то Штайнер был готов влить в почку литр, два, бочку воды, как в дренажный насос, лишь бы она заработала. И сейчас этот орган в его представлении должен был биться, как сердце.

Он нашел возможность уйти от прямого ответа на вопрос:

– Мне уже все равно. Я готов на все. Я превозмог все – боль, утрату, но не смог победить страх. Кто-то боится смерти, как боли, я боюсь смерти, *как абсолютно конца*. Кто-то страшится за судьбу своих близких, за их переживания, мне же на это наплевать. В этом мире говорят на множестве языков, и все слова, кроме одного, – пыль. Только одно слово целостное по своей сути и содержанию, и слово это – «я». Без него нет мира, вселенной, нет ничего. Умирает «я» – умирает мир, умирает вселенная. Попробуйте возразить мне.

– Не собираюсь этого делать, – пожал широкими плечами Вергельд, возвращаясь на место и в упор глядя на восковую фигуру.

– Оцениваете товарный вид?

– Именно. Душевные ценности таких, как вы, для меня давно не загадка.

– Только не стройте из себя дьявола. Назовите цену.

Вергельд назвал.

Штайнер согласился без малейших колебаний. Со стороны казалось, он даже не дослушал или пропустил мимо ушей слова Вергельда. Ему было плевать на деньги: жизнь – вот чем было переполнено до краев его сознание. И где-то на его краю барахтались строчки из инструкции по эксплуатации жизни, последние строчки, крайние меры: «В 14-летнем возрасте заканчивается существенное увеличение почек и они готовы для трансплантации».

Штайнер хватался руками за жизнь, которая кровавым диском уходила за горизонт. Неважно, какая жизнь впереди, лишь бы жить: в богатстве, в нищете; по сути дела он бракосочетался со своей собственной жизнью, что было похоже на кровосмешение.

Прошло несколько лет, и взгляды этого человека поменялись коренным образом. Однажды он подписался под контрактом, в котором обязывался убить – и убил. Убил во сне; хотя мечтал и до сих пор не потерял надежду во сне умереть. Он видел спящего мальчика на операционном столе, представлял его на небесах, в самом его невинном уголке. Он забыл, что значит страдать – ведь прошло столько времени: в счастье, в радости, в порочном браке со своей жизнью.

Вергельд, не торопясь, вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и, пробежав ровные строчки глазами, бросил его на колени Штайнеру. Тот принял его подрагивающими руками и начал читать с середины:

"...В операции участвуют несколько человек: экипаж самолета, служба безопасности из команды Юлия Вергельда, две бригады медиков из таллинской Центральной больницы.

В исключительных случаях, как это было со мной, забор донорского органа осуществлялся бригадой медиков непосредственно в клинике, и сам Вергельд называл это «прямым переливанием». В одной из частных клиник, называемой «отстойником», своей очереди на операцию ожидали от десяти до двадцати доноров из Чада и Судана. Там же происходил забор органа, орган транспортировали в Центральную больницу, где пересаживали его реципиенту».

– Ты не просто живешь – твоя жизнь стала насыщенной, интересной, – Вергельд обращался к «восковой фигуре» на «ты». – Отдаешь ли ты отчет, что она стала похожа на задницу? Ты начал искать приключений и нашел их.

Вергельд недовольно повернулся к двери, проем которой загородил крепкого телосложения человек.

– Что ты хочешь, Гвидон? Я занят!

– Я хотел сказать, что все чисто.

Вергельд хотел было взорваться, но вместо этого бессильно опустил плечи. Это в чадском поселке, расположенном в сорока километрах от центра префектуры Вадаи, помощник Вергельда не посмел бы побеспокоить шефа докладом о таком пустяке, как «дом зачищен». Здесь, в пригороде Тель-Авива, стоило соблюдать осторожность. Подтверждением тому служил все тот же Гвидон, не тронувшийся с места. Его выжидательная поза напоминала Вергельду о том, что они на минном поле: один неверный шаг в сторону, и на воздух взлетит вся команда. Точнее, ее часть. В Израиль приехали четыре человека, имеющие въездные визы в эту страну, хотя желающих ступить на Святую землю было предостаточно.

– Хорошо, Гвидон. Спасибо. Иди.

Громила беззвучно рассмеялся и понес широкую улыбку своим товарищам.

Если существовало на этом свете выражение нордический характер, то ему в противовес приводилось иное – южный темперамент. Гости из Африки были темпераментны, как истинные южане, и выдержанны, как жители севера. Они хладнокровно разделались с парой охранников; сейчас их трупы постепенно теряли температуру. К ним они присоединили кухарку и уже в последнюю очередь – сына хозяина дома, неподъемного борова под полтора центнера. Жиром заплывало не только его сердце, но и уши: он, кроме собственного храпа, ни черта не слышал. Когда же наконец проснулся и увидел склонившегося над ним Гвидона, по-бабьи взвизгнул и закрылся до подбородка одеялом. Гвидон расхохотался: «Да ты педик, мой друг!» Он выдернул подушку у него из-под головы и тут же накрыл ей лицо жертвы. Дальше продемонстрировал небывалую сноровку: он оказался на кровати быстрее, чем ковбой на быке. Его зад устроился на подушке и придавил ее с такой силой, что у жертвы лопнули губы. И только после этого начались настоящие скачки. Задыхающийся под Гвидоном человек понес, тщетно пытаясь сбросить с себя седока, и у того, по сравнению с быком или неоседланной дикой лошадью, было больше положенных восьми секунд: он мог продержаться и минуту. Молодой хозяин взбрыкивал ногами, пытался достать руками до лица наездника. Но зад его был слишком тяжел и послужил ему натуральным якорем. Он не сдавался долго – больше минуты, чем удивил Гвидона и его урезанную команду. «Весь в отца, – позже сделает вывод Гвидон. – Это же надо обладать такой тягой к жизни...»

– Кому ты передал эту бумагу? – Вергельду пришлось вырывать листок из рук Штайнера. – Можешь не отвечать. Такие документы имеют атрибуты бумеранга: всегда возвращаются. Меня больше интересует другой вопрос: что двигало тобой, когда ты писал на меня донос? Ты что, получил бессмертие?

– Что?

– Ты слышал. В твоём доносе много важных мелочей: донос без подробностей – не донос. – По тому, как акцентировал и часто произносил он позорное слово «донос», можно было судить о том, как крепко оно задело Вергельда. – Ты писал о частном самолете. Верно –

я и в этот раз прилетел на нем. Со мной преданные мне люди, которых сегодня можно отнести к службе безопасности. К сожалению, я не смог подготовить вторую бригаду врачей...

– Что?

Вергельд продолжил:

– Ты вошел в раж. Ты забыл, что такое настоящая боль, страх перед смертью, которую ты назвал абсолютным концом. Любой человек в инвалидной коляске для тебя был «агентством недвижимости», и ты смеялся над этим. Когда ты заболел и единственным методом лечения стало экстракорпоральное очищение крови, ты начал отчаянно завидовать «колясочникам». Люди забывчивы. Они быстро забывают зло, но еще быстрее забывают добро. Я здесь не для того, чтобы наказать тебя. – Вергельд улыбнулся, увидев тень облегчения на лице восковой куклы, и продолжил: – Я приехал ради одной вещи: забрать то, что не принадлежит тебе. Не принадлежит уже восемь лет.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Я оставляю тебя таким, каким нашел восемь лет назад.

Штайнер не мог противиться неизбежному. Он не шелохнулся, как будто был крепко связан по рукам и ногам, пристегнут к креслу – как в самолете или машине. В этот миг на него обрушились все те забытые чувства, о которых говорил Вергельд.

– Нет... – умоляя Вергельда, он даже не приложил руку к груди. И не посмотрел на вошедших в комнату людей: все внимание приковано к одному человеку, который держал его жизнь в руках. Уже во второй раз.

Вергельд обошел кресло с сидящим в нем стариком и резко развернул его в обратную от окна сторону, чтобы Штайнер видел, как ведутся приготовления к операции. А начинались они весьма необычно: Вергельд сделал все, чтобы каждая деталь убивала его жертву. Он мог обойтись без ассистентов, но вместе с ним прилетели двое врачей. В Чаде они занимались селекционной работой: доноры должны были быть физически здоровыми, без структурной или функциональной почечной патологии. Помимо обычного обследования юным чернокожим донорам проводили сбор мочи, тесты на вирус Эпштейна-Барр, ВИЧ, венерические заболевания, гепатит В и С. Через их руки прошли сотни пациентов, кто-то стал донором, а потом и трупом, кому-то не повезло – и он остался жив.

Вергельд неплохо справлялся с ролью злодея в стиле бондиады. Он был возбужден и нашел выход переизбытку адреналина в том, что показывал себя не таким, какой он есть. Он переигрывал, но даже не противился этому. Он собрался преподать урок не этому старику, который последние годы дышал только на ладан, не своим людям, – в такие моменты он познавал себя, вскрывал потаенные стороны сознания и силы и мог напрямую обратиться к самому себе: «Да пребудет с тобой сила!»

Он разорвал упаковку жевательной резинки и бросил пластину в рот. Разжевывая ее, напоминал Штайнеру то, о чем он, возможно, забыл.

– Ты хорошо знаешь развитие пересадки почки. Поначалу они анастомозировались с бедренными сосудами, их помещали в таз, а мочеточник имплантировали в мочевой пузырь. Мерзость, правда? Ну, скажи: мерзость.

– Мерзость...

– Послушный пациент. – Вергельд грубо потрепал пациента по щеке, но на этом не остановился. – Здесь у нас и процедурная, и операционная. Раздевайся. Ну! – прикрикнул он на Штайнера. – Снимай с себя все: рубашку, штаны, трусы, носки. Трусами протри себе живот, пах, промежность.

Штайнер прикоснулся к пуговице на рубашке, а ему показалось, он взял в руки лопату...

Ассистенты выдвинули на середину кабинета стол; хоть и массивный, он был короток для операционного стола. Кто-то из них бросил неосторожный взгляд на малорослого Вергельда.

– Ты прав: если кого и оперировать на этом столе, так это меня. – Он указал рукой на дверь: – Снимайте дверь с петель и кладите на стол.

Через пару минут на импровизированный стол поместили Штайнера – с отведенными в стороны руками и ногами; их фиксировали самые надежные руки – Гвидона и его товарищей. Но прежде чем зафиксировать пациента, Гвидон не без отвращения заткнул рот Штайнеру его же мокрыми трусами.

– Мы пропустили анестезию – за ненадобностью. Будет немножко неприятно, – предупредил Вергельд пациента. – Больно будет потом. Будет очень больно, невыносимо, обещаю.

Он сам ввел катетер в мочевой пузырь и принял от ассистента раствор неомицина. Он причинял пациенту боль даже пояснениями, командами, взглядом; он резал его без ножа – пока без ножа. Все его действия были направлены на то, чтобы спасти пациента, на самом деле он медленно убивал его. Убивал, промывая ему мочевой пузырь, убивал, стирая слезу с его щеки. – Зажим, – попросил он. Приняв инструмент, он пережал катетер и присоединил к мочеприемнику.

– Я уберу зажим, – пояснил он, глядя на оружие от боли и страха глаза пациента, – когда начну вскрывать мочевой пузырь.

Он отдал инициативу ассистентам, и они начали обрабатывать йодом место разреза – операционное поле.

– Скальпель.

В его руку ткнулся холодный кусок металла. Вергельд придиричиво осмотрел его, будто выискивал следы ржавчины, затем склонился над телом пациента. Когда он пальцем дотронулся до края прямой мышцы живота, откуда собирался резать, Штайнер дернулся, выгнулся дугой так, что даже дюжие помощники Гвидона с трудом удержали его.

– Я еще не режу, – сообщил Вергельд, не скрывая улыбки. – А вот сейчас...

Он приложил скальпель к телу и, надавив на него, провел им криволинейно вверх к точке передней подвздошной оси.

Теперь помутилось в глазах даже у повидавшего всякого Гвидона. Он не заметил, как в руках доктора появился электрический нож, которым он разделил мышцы, после чего стал методично отслаивать от них брюшину, будто разделявал говядину; изредка бросал ассистенту: «Подсуши», и тогда помощник подбирал кровь тампоном. Затем он снова отдал инициативу ассистенту, и тот установил ранорасширитель Бальфура. После чего над пациентом склонились два врача. Гвидон, икнув, увидел в них радиолюбителей, копошащихся над разобранным телевизором.

И только сейчас он заметил, что не держит Штайнера за руку; желтоватая рука пациента покоилась на поверхности двери. На ней пропали все жилки, и Гвидон заметил боссу:

– Он... готов. – В Штайнере он вдруг увидел мученика, и у него язык не повернулся сказать, что тот откинул копыта.

– Ничего подобного, – возразил Вергельд. – Он жив, просто не может сопротивляться. Все его силы брошены на продление жизни. Но это уже не жизнь, а агония, только он об этом не знает. Ему больно, очень больно.

И как раз в этот момент в руку Вергельда ткнулось что-то горячее и скользкое, пахнущее мочой и кровью. Гвидон с трудом проглотил ком, подступивший к горлу, но ему показалось, он проглотил почку с руки своего хозяина. Но она не принадлежала Штайнеру. Человек, который родился с ней, умер несколько лет назад.

Штайнер пришел в себя. У него был разрезан живот, он лишился жизненно важного органа, но боль носила такой характер, будто с него содрали всю кожу, не оставляя ни клочка.

Его так крупно трясло, что Вергельду пришлось надавить ему свободной рукой на лоб. Потом он поднес почку к лицу пациента.

– Я всегда держу слово. – И повторился: – Я оставлю тебя таким, каким нашел восемь лет назад.

Он подошел к столу, раздвинул цветы в вазе и пристроил между ними удаленный орган. Прошептал:

– Символ...

Его услышал Гвидон.

– Символ чего?

– Жизни, дубина. – И Вергельд неожиданно рассмеялся.

Он и его люди покинули дом, оставляя в нем все еще агонизирующее тело хозяина и труп его сына.

Глава 3

Москва

Зал судебных заседаний свободно можно было назвать комнатой правосудия, заметил адвокат Алексей Николаев. Он много раз был в комнате для совещаний и был готов поспорить, что она на пару метров больше зала – с его пятью рядами кресел, местом для подсудимых, огороженным толстым плексигласом, «загоном» для присяжных заседателей и «сцены», где восседал судья.

Сегодня в этом зале было сравнительно пусто и тихо. Адвокат, прокурор, обвиняемая и пара караульных дожидались судью, который мог напугать кого угодно своим лицом, похожим на подтаявший холодец. Казалось, он мог в любую минуту потечь.

Прокурор толкнул локтем адвоката и, пожав плечами, сказал:

– К чему эта официальность? Этого я не пойму. Могли бы побеседовать с судьей в его хоромах или совещательной комнате. – Кивком головы указав на подзащитную за стеклом, Беркович выразительно сказал: – Одержимые не помнят, что с ними было. – Не дождавшись реплики адвоката, прокурор передал ему свой кейс со словами: – Подержи. Мне нужно в туалет сбегать.

– У тебя столько дел...

Алексей Николаев проводил его взглядом и снова сосредоточился на высокой спинке судейского стула. Ему оно не раз представлялось электрическим, и он в этом видел что-то вроде баланса. Собственно, судье в повязке на глазах по фигу, на чем он сидит и во что одет.

– Что наша жизнь? – задался он вопросом. – Игра. В теннис. Меньше. Ровно. Больше. Снова ровно. И снова меньше. И снова ровно.

Судья и прокурор появились одновременно. Беркович присоединился к адвокату, демонстративно вытирая руки носовым платком («Я чист»), первый занял место за столом.

– Объясните суть вашего обращения к суду, – раздался его чуть надтреснутый голос.

– Прошу ознакомиться с жалобой на незаконное применение органом расследования заключения под стражу Ирины Бекатору в качестве меры пресечения. – Николаев избегал называть подзащитных своими подопечными, оперировал только именами. – Я прошу мерой пресечения избрать подписку о невыезде.

– Конечно. Прокурор? – Судья приподнял бровь, требуя ответа.

Беркович развел руками:

– Я не вижу нарушений со стороны следствия и прошу оставить меру пресечения прежней.

– А как насчет пошептаться? – перешел на «нормальный» язык адвокат.

Судья сделал два жеста руками. Одним он отослал конвоиров за дверь, другим подозвал к себе «конкурентов». Вперив колкий взгляд в переносицу адвоката, хрипло сказал:

– Говори.

Причем сказал таким тоном, послышалось защитнику, будто требовал рассказать сальный анекдот; это ощущение усиливалось тем фактом, что за спинами мужчин осталась женщина. Пусть и в наручниках и за пуленепробиваемым стеклом, но не потерявшая привлекательности.

– Я бы хотел поднять вопрос генной экспертизы, ваша честь.

Судья перебил его новым жестом руки. Наслюнявив палец, он перевернул несколько страниц дела.

– Здесь я вижу отчет генетиков, в котором говорится: генетическая экспертиза отцовства-материнства подтвердила биологическое родство между несовершеннолетней, чей

труп был обнаружен опергруппой, и Бекатору Ириной, вашей подопечной. Так что ее заявления о том, что был убит другой ребенок, и тоже черный, лишены оснований.

– Следствие еще не закончено, – возразил адвокат. – Нас собрала здесь жалоба на незаконное применение...

– Оставь этот тон для присяжных, – скривился судья. – Жалоба – это предлог. Просто скажи, чего ты хочешь.

– Следствие не закончено, – упорно стоял на своем Николаев, глядя прямо в глаза судье. – Обвинить мать в убийстве дочери в наше время несложно, а в отдельных случаях – легко, и такая версия будет выглядеть более убедительной, нежели миф о похищении, о похищении, ваша честь, на котором мы настаиваем. Один сфабрикованный документ, и дело раскрыто. У нас есть серьезные вопросы к прокурору.

– Задавай, – разрешил судья, откинувшись на высокую спинку стула.

Адвокат не удержался.

– Стул подключен к сети?

– Что?

– Я в том смысле, что вы похожи на тренера. Ваши подопечные сидят на лавках, но вы-то всегда сидите на электрическом стуле.

– Еще одно замечание, и я укажу тебе на дверь. Задавай вопросы прокурору, остряк.

Николаев церемониально повернулся к коллеге.

– Тело несовершеннолетней терминировали до полного окончания следствия и вынесения приговора. У тебя было постановление суда на эти действия? – спросил он.

Беркович пригладил редкие волосы и продолжительным взглядом на судью дал понять, у кого следует искать ответ на этот вопрос.

– Ваша честь? – Адвокат в свою очередь вопросительно приподнял бровь.

– Ты всего пару дней занимаешься этим делом. Если бы ты вел его с самого начала, у тебя не возникло бы столько вопросов. Твоя подопечная два месяца провела в отделении психиатрии, где ее в конце концов поставили с ног на голову, – судья показал руками, как это делается, – то бишь вылечили. Дальше. Держать изуродованный труп пятилетней девочки в морге было, на взгляд суда, неоправданно жестоко. И я, подписывая соответствующее постановление, руководствовался не буквой закона. Хотя даже с юридической точки зрения я чист.

– Вот так, да? Речь идет о чистоте?

– Если хочешь, да.

– Тогда я официально прошу у вас разрешения провести повторную экспертизу в «Центре молекулярной генетики». Прошу вас предоставить для экспертизы генный материал. Сколько нужно привести фактов в пользу этого решения, ваша честь, десять, двадцать? Следственному комитету важно раскрыть преступление в кратчайшие сроки. У защиты столько времени нет. А защите оно необходимо, чтобы провести собственное расследование. Если говорить образно, то одной футбольной команде дали шестьдесят минут времени, тогда как ее соперник вынужден играть все девяносто минут.

– Неудачный пример. С электростулом ты почти попал в точку. Но я тебя понял. – Судья надолго задумался, теребя в пальцах монету. – Короче, Нико, чего ты хочешь?

– Рассмотрения поданной мною жалобы в пользу защиты.

Судья громко рассмеялся. Прокурор выжал на лицо кислую улыбку и был вынужден пойти на попятную:

– Я предлагаю защитнику сделку.

Он выдержал паузу. Судья поторопил его:

– Какого рода сделка?

– Защита не станет поднимать на суде вопросов о скоропалительных причинах кремления генного материала... генного материала по сути, – исправился он, – а обвинение не станет настаивать на содержании обвиняемой под стражей.

– Я тоже в этом заинтересован, – буркнул под нос судья; месяцем ранее он лично подписал распоряжение о «скоропалительных» – в прямом и переносном смысле слова – мерах. – Сегодня я подпишу бумаги, завтра она ваша. – Он поочередно посмотрел на адвоката и его подзащитную. Поискав глазами молоток и не найдя его, он стукнул по столу кулаком и не без доли облегчения, которое ему принес адвокат, заявил: – Слушание окончено.

Адвокат накоротке пообщался с Ириной и поспешил за прокурором. Впрочем, тот дожидался его в узком коридоре здания суда.

И тот, и другой выглядели rispetабельно, что для обоих давно стало образом жизни. Беркович, который из-за тесноты коридора был вынужден идти чуть впереди, повернул голову и сказал фразу, которой было суждено переходить от одного к другому, из уст в уста.

– Держись подальше от этого дела.

Адвокат не стал требовать объяснений, он ждал разъяснений прокурора.

– В следственном комитете прокуратуры уже празднуют победу в этом деле.

– Вот как?

– Ты прав – труп ребенка проходил, по большому счету, как генный материал. Поэтому его уничтожили. Не знаю, кому выгодно было создать прецедент, когда белая женщина убивает черного ребенка. Это громкое и необычное дело, и поломать его тебе не дадут. В некоем списке ты уже проходишь как проигравший.

– Сильно сомневаюсь, – ответил адвокат.

Как уже сказал судья, с делом Ирины Бекатору Алексей Николаев ознакомился всего два дня назад. Из сорока восьми часов двадцать четыре он провел в беседах с подопечной, не жалея ни себя, ни тем более ее. Он поверил ей на интуитивном уровне, но на нем доказательств невиновности не построишь.

Приехав в свой офис на улице Поликарпова, которая индексной семеркой пролегла от вечно шумной Беговой до железной дороги, он навел справки, посетив сайты аэропортов, и записал на листке перекидного календаря: «Самолеты в Камерун летают два раза в месяц. Из Парижа можно улететь чаще; время полета около семи часов». Он без труда поставил себя на место похитителей девочки: планируя преступление, они были обязаны отталкиваться от конечного пункта – эвакуации. Преступление было совершено 13 июня, за день или за два до вылета очередного рейса в Камерун. Он еще не закрыл страничку сайта аэропорта и нашел там то, что искал: рейс самолета Москва – Дуала (это приморский город Камеруна) осуществлялся в том числе и 15 июня. Николаев потянул крохотный кончик нити, но он был бесценен – потому что на этот момент был единственным.

Он вышел из адвокатской конторы и сел в свой нестареющий «Мерседес» Е-класса. Николаев считал его достаточно консервативным и надежным; просторный салон и неповторимый интерьер. Эталонный легковой автомобиль 1984 года выпуска, что еще можно сказать? Ему нравился обтекаемый силуэт этой машины, его гобеленовая отделка, даже возраст. Эта двадцатилетняя машина заслуживала большего уважения и любви, нежели новая. Николаев так считал и мог переспорить любого.

Приехав в аэропорт Шереметьево, он нашел дежурного смены паспортного контроля.

– Мне нужно поговорить с вашими подопечными, которые проверяли 1 июня нынешнего года рейс из Камеруна, а 15 июня – пассажиров рейса в Камерун.

– Вы из милиции?

– Я адвокат. – Николаев вручил ему стильную визитную карточку с еле уловимым тиснением. – Всегда буду рад помочь.

– Спасибо.

– Видно, с адвокатами вы общаетесь редко, но всегда рады им помочь. А с милицией общаетесь чаще, но помогаете, судя по всему, без особого энтузиазма.

– Это вопрос?

– Версия, – улыбнулся адвокат.

Не прошло и пяти минут, как пограничник появился в сопровождении слегка полноватого высокого парня в форменной зеленоватой рубашке.

– Вам повезло, – сообщил он. – 1 и 15 июня была моя смена. Но конкретно 15-го я не работал – поменялся со сменщиком. Вот человек, который сможет ответить на ваши вопросы.

– Вадим, – представился парень, пожимая Николаеву руку.

– Алексей. Очень приятно. Может быть, выпьем по чашке кофе?

– Было бы кстати.

Они устроились за столиком в кафе на втором этаже, откуда открывался приличный обзор на обычную сутолоку в зале прилета. Николаев проголодался и заказал себе дорожный бутерброд с семгой, его собеседник отказался. Вытирая рот салфеткой, адвокат приступил к делу.

– Итак, рейс Дуала – Москва. Меня интересует, скорее, группа лиц, которая опекала девочку лет пяти. Черную девочку.

– Я помню их.

– Правда? Расскажите подробнее. Может быть, какой-то нюанс вам бросился в глаза.

– Нюанс имеет имя – Мами Вата. Я запомнил эту женщину.

– Она была с девочкой?

– Нет, ее подруга была с ребенком.

– Имя подруги запомнили? – Николаев приготовил блокнот и авторучку.

– Ниос.

– Отлично. Из сотен пассажиров, которые ежедневно проходят через вас, вы отмечаете двух женщин. Не думаю, что у вас суперпамять и вы помните всех пассажиров.

– Знаете, я сам не могу понять, в чем дело. Мами Вата – имя я уточнил 15 июня, когда она улетала в Камерун, – не делала мне никаких знаков, но я отчего-то обратил на нее внимание. Она была красивой. Хотя красавиц я видел столько...

– Это понятно. Дальше.

– Уже много позже мне начало казаться, что она действительно не делала мне знаков, наоборот – она отвлекала меня от чего-то главного.

– Главной фигурой в этой группе мог быть ребенок, – пришел на помощь адвокат. – Пятилетняя девочка. Если вы думаете, что с ее помощью в страну провозили наркотики, то вы ошибаетесь. Ведь ваши коллеги-таможенники уделяют этому вопросу особое внимание.

– Тогда в чем же дело?

– Расскажите все по порядку, что помните.

Вадим провел в молчании полминуты.

– Когда я проверил ее документы, она поблагодарила меня по-французски... Отошла в сторону, поджидая свою подругу. Всего в тот день из Камеруна прибыло двадцать пять человек. Женщина с ребенком замешкалась, не помню, по какой причине, и пропустила вперед мужчину. За ней стоял еще один мужчина, белый. Если люди, которые вас интересуют, прибыли группой, то они намеренно разбились так, чтобы не проходить границу вместе.

– Скорее всего так и было, – согласился адвокат. – Итак, проверка закончилась, вы вернули документы матери девочки.

– Да, да, потом я припомнил, что мать щелкнула ее по носу. У них было хорошее настроение. Не знаю, как в Дуале, но у нас их не промариновали и лишней минуты.

– Хорошо. Перенесемся на полмесяца вперед. 15 июня. Вы снова на дежурстве. Снова через вашу стойку проходит красивая женщина по имени Мами Вата, так?

– Не совсем так, – был вынужден пояснить Вадим. – У меня был короткий перерыв. Я вышел выпить кофе, съесть бутерброд, – в этот раз пограничник не без зависти посмотрел на бутерброд с семгой, надкусанный адвокатом. – И снова увидел ее. Мне показалось, она ждала меня. И я, не знаю почему, пошел ей навстречу.

– Что именно вы сделали?.. Ну, Вадим, сказали «а», говорите «б». Иначе я вызову вас повесткой в суд, и вы ответите в присутствии десятков людей и под щелчки фотокамер. Знаете, как делают журналисты? Загодя пишут статью, а имена вставляют перед тем, как отдать ее редактору.

– Ну, я улыбнулся в ответ, – поторопился Вадим. – Хотел было спросить, уезжает ли она. Это и так было очевидно.

– Понятно. Вы хотели завести разговор, знакомство. С человеком, которого вы уже никогда не увидите. Такое часто случается с людьми робкого десятка. Дальше.

Вадим покраснел.

– В общем, показалось мне, она приняла эту дурацкую игру, снова улыбнулась мне. Да, – нахмурился он. – Женщина с ребенком была рядом с ней, точнее – впереди, уже проходила процедуру проверки. Она устала.

– Женщина или ребенок?

– Девочка. Она спала на плече у матери.

– Потом?

– Потом она вдруг подняла голову и посмотрела прямо на меня. Я почувствовал ее взгляд, потому что в то время смотрел на Мами Вату.

– Что дальше?

– Помнится, я хотел спросить, что с малышкой. Мне она показалась бледной. Бледнее, чем в первый раз.

– Ну что же, Вадим, – сказал адвокат, вставая из-за столика. – Вы мне помогли. Услуга за услугу. Я проясню один момент, скажу, что тревожило вас тогда и последующие дни. Все дело в девочке. – Николаев понизил голос. – В Россию привезли одну девочку, а увезли совсем другую. Первой уже нет в живых. Ее убили. До свиданья.

Глава 4

Париж

Николаев прилетел в Париж на самолете после полудня, когда местные приверженцы сиесты мирно дремали в креслах и оттоманках. Он несколько раз был во Франции. Последний раз ему так и не довелось покинуть аэропорта Орли: все вопросы одного сложного дела он решил в кафе аэровокзала.

Он прилетел без багажа, только ручная кладь в виде темно-коричневой кожи кейса, выглядел, как всегда, безукоризненно: черный деловой костюм, рубашка в еле приметную клетку, галстук.

Арман Ришпен встречал его с обязательной табличкой с именем прибывшего гостя. Он просто придержался правил, когда в своем офисе распечатал на принтере всего два слова, растянувшиеся от одного края листа бумаги до другого: «Алексей Николаев». Нико решил подыграть старому приятелю. Его глаза пробежали по стройному ряду встречающих, на короткий миг встретились с голубыми глазами Армана и побежали дальше. Периферийное зрение подарило ему несколько мгновений удовольствия, которые он сохранил в своей памяти. Ришпен только что не пустил слюну. Николаев точно описал его чувства: будто ты пожал руку улыбчивому человеку, который предварительно поковырял ею в заднице.

Он откровенно дурачился, изучая таблички, и давал Арману шанс: я прочитал свое имя, и оно меня вроде как не заинтересовало.

Ришпен опустил прозрачную папку-файл с вложенным в нее листом бумаги и грубо окрикнул гостя, называя его полным именем:

– Эй, ты, сволочь!

– Арман! – расплылся в улыбке Николаев.

Они обнялись, похлопали друг друга по спине.

– Ты на машине? – спросил гость.

Ришпен покачал головой:

– Нет.

– Отлично! – обрадовался адвокат. До Парижа всего-то пятнадцать километров, но в это время суток в дорожной пробке можно было застрять на час, а то и больше.

Они вышли из терминала и сели в бесплатный автобус, который отвез их к линии «С» аэропорта, называемой «железнодорожной». На перроне они не простояли и пяти минут: подошел поезд «С2», отправляющийся до Парижа каждые четверть часа, и короткое, но незабываемое путешествие до мировой столицы моды началось.

В адвокатской конторе Армана Ришпена, порог которой Николаев переступил всего через час после прилета, на него нахлынули воспоминания: пару лет назад на столе в приемной он очень близко познакомился с секретаршей Ришпена по имени... Черт, он забыл ее имя; и напрасно морщил, вспоминая, свой лоб. Но черт с ним, с именем. На ее месте сидела другая секретарша. Она смотрела на гостя так же, как и та, безымянная. Нико отметил, что его габариты произвели на француженку впечатление. Вряд ли она оперировала цифрами, окидывая его взглядом с ног до головы, – кося сажень в плечах, о чем еще говорить?..

Ришпен провел гостя в свой кабинет и предложил вина. Николаев сморщился:

– Ты же знаешь, Арман, я не люблю вино, пусть даже с лучших французских виноградников.

Хозяин офиса вспомнил о пристрастиях русского гостя и налил в пузатый бокал коньяка. Николаев осушил его в два глотка и причмокнул губами:

– Вот это совсем другое дело.

Они успели поговорить о деле в поезде, устроившись в мягких креслах друг против друга. Из поезда же Ришпен сделал телефонный звонок и, потрепавшись немного на спортивную тему, пригласил абонента к себе в офис. И вот сейчас он, выпив вина и посмотрев на часы, сказал:

– Вивьен сейчас придет. Она женщина с мужской пунктуальностью.

– Тогда уж она француженка с немецкой педантичностью, – озвучил свою версию Николаев. – Кстати, у тебя есть связи во французском посольстве в Камеруне?

Ришпен покачал головой.

– С этим вопросом тебе лучше всего обратиться к Вивьен. У нее тесные узы со вторым секретарем нашего посольства.

– Любовные узы или узы дружбы?

– Постарайся это выяснить сам, – насмешливо скривился Ришпен и указал бокалом ему за спину. Николаев повернул голову и встретился взглядом с довольно высокой и плечистой женщиной лет тридцати, которую тут же окрестил пловчихой. С такими плечами, как у нее, можно ставить мировые рекорды на короткой и длинной воде, мысленно отметил Нико. Он был уверен: если раздеть ее, можно увидеть тело покруглее, чем у Амели Моресмо.

Он поздоровался с Вивьен лишь после того, как представил ее на столе в приемной, и улыбнулся.

– Близкие называют меня Нико. А ты Вивьен, да? Мне о тебе Арман все уши прожужжал. Садись. – Он бесцеремонно взял ее за руку и провел к дивану. Посмотрел, как она села, забросив ногу за ногу, и устроился рядом. Ришпен подкатил к дивану кресло на роликах и составил им компанию.

– Кто начнет? – спросил он, кивком головы вопрошая сначала у Вивьен, а потом у Николаева.

– Я, пожалуй, – ответил гость. Он выдержал обязательную паузу, затем, избегая моментов, не относящихся к делу, широкими и щедрыми мазками обрисовал картину, немного рассказал о себе. Того же с мягким нажимом потребовал от собеседницы.

– Пару слов о себе, если не трудно.

– Я возглавляю благотворительный фонд... если хотите, моего имени: «Миссия Вивьен». Мы работаем в «горячих точках». Вытаскиваем из очагов сирот и находим им здесь приемных родителей.

– Работаете на заказ? – спросил адвокат.

– В каком смысле? – нахмурила лоб Вивьен.

– Наверняка вы слышали от людей, готовых усыновить ребенка, их пожелания. Мальчика или девочку, конкретный возраст ребенка – пять, восемь, десять лет, цвет глаз. И так далее.

– Да, конечно, – подтвердила Вивьен, кивнув.

– На благотворительном поле идет настоящая битва. Лично у вас есть конкуренты?

– Они были бы, если бы я занималась бизнесом, – в голосе француженки зазвенела сталь.

– А что, нет? – возразил Николаев тоном, чтобы только не разорвать хрупкую нить разговора.

Вивьен не поддержала эту тему.

Имя у нее было интернациональное. Николаев припомнил Вивьен Ли – английскую американскую актрису, родившуюся в Индии, потом – французского географа Вивьена де Сен-Мартена, наконец – российского актера Леонида Вивьена. Да и фамилия у нее была «интернациональная» – Гельфанд, и к ней не подходило ее красивее имя. Дальше Николаев рассуждал придиричливо. В облике француженки он нашел немало изъянов, и это в первую очередь коснулось ее носа.

– Вернемся к делу. – Николаев снова выдержал паузу. – Когда вы планируете вывезти очередную партию детей?

– Думаю, управимся к концу ноября. Мои люди сейчас разбросаны по Центральной Африке. Часть из них в Чаде, часть в Судане, конкретно – в Дарфуре.

Николаев покивал. Обычно Дарфур называют суданской областью и провинцией, хотя на самом деле это султанат, присоединенный к Судану, государство народа фор, где сейчас идет кровопролитная гражданская война.

Вивьен продолжила, усмехнувшись:

– В столице Чада стоит на парах самолет, готовый взять на борт до ста детей.

– Вы собираетесь вывезти из Дарфура сто детей? – недоверчиво покачал головой Нико.

– Из Дарфура и Чада, – подтвердила Вивьен. – В этот раз детей так много потому, что вы... правы, – нескладно закончила она предложение. – Мы действительно работаем под заказ, и большая часть сирот в возрасте от двух до пяти лет. Но есть, к примеру, и четырнадцатилетние.

– Неужели кто-то хочет усыновить чернокожего в таком возрасте? – Николаев выпятил губу. – Если да, то под конкретную программу.

– Что вы имели в виду, когда сказали «конкретная программа»?

– В первую очередь – об использовании. Но закроем эту тему.

– Не торопитесь. – Вивьен сменила положение на диване и неторопливо прикурила сигарету. – Вас удивила трехзначная цифра. Но наверняка не смутит двухзначная. В суданской провинции Дарфур более четырех лет продолжается гражданская война. От голода и болезней ежедневно умирают около восьмидесяти детей. Вы не ослышались – около восьмидесяти. Не верите мне, можете заглянуть в доклад ЮНИСЕФ, опубликованный арабскими средствами массовой информации. Наша организация активно помогает проводить вакцинацию детей против полиомиелита, кори. Знаете, что такое синдром недоедания и как трудно вылечить его одними только витаминами?

– Представления не имею.

– А, – Вивьен махнула рукой и просыпала пепел себе на колени. И продолжала чуть раздраженно: – Гуманитарные миссии, подобно нашей, сталкиваются в Дарфуре с серьезными трудностями. Суданские чиновники не дают нам спокойно дышать плюс бесчисленные повстанческие отряды и проправительственные наемники нападают на миссии и гуманитарные караваны, забрасывают гранатами лагерь беженцев. За время четырехлетнего насилия в стране погибло двести тысяч человек, два с половиной миллиона стали беженцами. Как вам такие цифры?

Николаев счел за благо не отвечать на этот вопрос, как оставил без должного внимания пылкую речь Вивьен. Он был в курсе и цифр, и самой проблемы под названием «вооруженный конфликт в Дарфуре» с его точкой отсчета в феврале 2003 года. Повстанцы заявили, что представляют интересы неарабского населения провинции и начинают борьбу «против узурпации их прав правительством, представляющим интересы арабского населения Судана». Спустя год Африканский Союз направил в зону внутреннего конфликта в Дарфуре семитысячный миротворческий контингент с задачей по контролю за соблюдением соглашения о прекращении огня. Но отвратительное финансирование и техническое обеспечение не позволило миротворцам сдерживать насилие на западе.

– Значит, предварительная дата конец ноября? – спросил Нико.

– Да, – подтвердила Вивьен, быстро остывая. – Я лично приму участие в заключительной фазе операции. Придется решать множество проблем как с суданскими властями, так и с властями Чада: мы планируем поднять самолет с детьми со взлетной полосы в столице республики. Точную дату вылета я смогу назвать лишь по прибытии, когда мне представится возможность оценить обстановку в целом: что удалось сделать, с чем еще придется бороться.

– Вы легко соглашаетесь на мое предложение.

– Я вижу в нем благую цель. Вы ценой собственной жизни хотите спасти ребенка. Пусть даже одного. Кстати, о ценах. Сколько вы готовы заплатить мне за лишних пассажиров?

– Мы планируем вернуться полной командой плюс девочка. Итого – четверо или пятеро. Я еще не определился с составом команды. Но у меня уже есть на примете два парня. Мы согласны оплатить полет в два конца, хотя полетим в один. Сколько вы запросите за оформление документов на девочку?

Нико, задав этот вопрос, решил закрыть неприятную для него тему. В Вивьен он увидел натуральную стяжательницу. Хотя дело есть дело.

Она поняла его без дальнейших разъяснений.

– Полный расчет произведем здесь, может быть, в этом офисе и в присутствии Армана, – поставила она точку. – Помните, я вам сказала, что не занимаюсь бизнесом?

– Как не помнить? Вы возглавляете благотворительный фонд. Кстати, вы сегодня вечером свободны? Мы могли бы поближе познакомиться в ресторане.

«Скажи „нет“,» – мысленно обратился к ней Нико, делая взгляд томным.

Она удовлетворила его просьбу наполовину, сказав, однако, в два раза больше:

– Почему бы и нет?

Он улыбнулся ей кончиками губ и встал проводить до двери. Там она задержала за рукав Армана Ришпена и что-то сказала ему на ухо. Нико тактично оставил их вдвоем. Когда Ришпен вернулся, Николаев посмотрел на него в упор.

– Скажи честно, Арман, эта баба не замешана в криминале? – Он кивнул на дверь. – Она тут выкатила трехзначную цифру. Она собирается ввезти в страну сотню маленьких оборванцев. Даже один этот факт пахнет нелегальной иммиграцией. – Он прочитал вопрос в голубых глазах француза: «Почему тебя это должно волновать?» – и ответил на него: – Если погорит она, погорю и я. Мне нужен более или менее чистый канал.

– Более или менее, – покивал Ришпен. – Ты сам и ответил на свой вопрос. Чего ты еще хочешь?

– Чего я хочу? – Нико встал и прошелся по кабинету, сунув руки в карманы брюк. – Чего я хочу? Я хочу, чтобы все прошло гладко. Я требователен к себе, к своим партнерам. Я обязан быть требовательным и к своим компаньонам.

– Ты хочешь гарантий?

– Черт возьми, да!

Арман снова рассмеялся. На сей раз над обескураженным видом коллеги.

– Одним словом, ты не знаешь, чего хочешь. Мне объяснить твоё состояние?

– И что мне нужно сделать для этого? Выпить пузырёк вина?

– Слушай. Во-первых, ты сильно нервничаешь, хотя виду не подаешь. Тебя гложет неуверенность. У тебя нет партнеров, на которых ты смог бы полностью положиться. Ты видишь начало и конец операции, но боишься посмотреть на то, что между ними. А там промывка работы. Там колючие мотки нервов, там страх и риск, на который ты идешь осознанно. Там то, о чем ты в тайне мечтаешь и от чего бежишь.

Алексей Николаев и Арман Ришпен познакомились в Сербии, защищать которую приехали добровольцами. День в день, час в час, как в задачке по арифметике, навстречу друг другу вышли два человека: один из России, другой из Франции. Их путь к цели был покрыт слоем нечистот поездов, барыг, таможенного и бандитского рэкета. Они были молоды и шли защищать не демократию – фигня все это, – они жаждали приключений и нашли их. Алексей и Арман вошли в интернациональный отряд, который противостоял хорватским диверсионным группам, а тех в свою очередь обучали натовские инструкторы. Вдвоем они попали в первую переделку и впервые убили.

В горах Герцеговины снайперы стреляли так, что пули у виска свистели. Только успевай нырять за укрытия. В Сараево горожане опасные направления перегораживали кирпичными «берлинками», бетонными блоками, маскировочными сетями и даже простынями. В стенах первых этажей были проложены проходы, чтобы путь пролегал под сводами параллельно простреливаемой улицы. И все же город, холмы вокруг которого были заняты сербами, был во власти снайперов-босняков. Дети забывались во время игры, женщины теряли бдительность под грузом домашних хлопот. И гибли под пулями. Чаще всего снайперы противника выбирали женщин и детей и называли это «стрельбой боевыми патронами по неразумным мишеням». Алексей помнил, как рассказывал друзьям по возвращении домой:

«Снайперы держали центр города, где высотные здания, а в наших руках был частный сектор и холмы на окраинах. Мы били зажигательными по верхним этажам зданий, чтобы пожаром выявить босняков. Мы высылали к снайперскому гнезду гранатометчиков, и среди них был мой друг Арман Ришпен, этот отличный и вечно чем-то недовольный, как и все французы, парень. Иногда посылали танки, которые прямой наводкой выбивали снайперов. Жители ждали туманов и снегопада... В ясный солнечный день по городу все передвигались только бегом. А машины проносились на огромной скорости. Так что жизнь – не сахар: не убьет снайпер, собьет машина».

Столько лет прошло, а Алексей Николаев, получивший в Сербии кличку Нико, помнил все в деталях. Как можно забыть босанских снайперов, это проклятье города? Попадали они не часто, но что хорошего?.. Когда рядом с головой пролетает пуля и бьет в стену – ощущение не из приятных. Ты можешь упасть – но кому охота валяться в грязи? Лучше всего бежать – и сразу в укрытие. Отыскал взглядом высотное здание – переходи на бег. Если прохожий впереди тебя побежал – беги и ты. На столбах указатели: «Внимание! Снайпер!» – и стрелка, указывающая направление стрельбы. На войне как на войне. В майские дни целые кварталы рушились под артиллерийскими ударами. Высотные дома, как ели, горели. Крупнокалиберные браунинги мели улицы, где неделями разлагались трупы.

Алексей и Арман долго молчали, переживая воспоминания. Первым молчание нарушил Николаев.

– Расскажи подробнее о Вивьен и ее организации. Где находится штаб-квартира?

– Здесь, в Париже, – ответил Ришпен. – Ее члены – израильтяне.

– То есть граждане Израиля.

– Ну да, – он пожал плечами.

– У «Миссии» есть конкуренты? Я спрашивал у Вивьен, она на это только малость посерела, и все.

– Как сказать?.. Кажется, смогу назвать одну фирму. Слышал что-нибудь о «Торе»?

– «Пятикнижие Моисея».

– И некая благотворительная организация со штаб-квартирой в Таллине, – покивал Ришпен. – Цели «Миссии» и «Торы» примерно одинаковы: под заказ, как ты правильно заметил. Они находят в Африке и привозят в Европу детей-сирот. Во главе «Торы» стоит некто Юлий Вергельд. Родился в Таллине, точнее не скажу, воевал в качестве наемника в Центральной Африке, в Дарфуре – в частности. Почему ты завел разговор про конкурентов «Миссии»?

– На ком-то из них мне придется построить запасной вариант эвакуации. Ты же знаешь – всякое может случиться. – После непродолжительной паузы Нико добавил: – Я кое-что узнал о стране, где мне придется работать. Так вот, из Камеруна запрещен вывоз изделий из бивней слона, шкур редких животных. К этому списку можно добавить сирот. Или похищенных детей. Что не суть важно.

– Похоже, ты и сам не рад, что взялся за это дело.

Нико усмехнулся, припомнив «пророческие» слова прокурора: «Держись подальше от этого дела».

– Пока не знаю, пока не знаю, – дважды повторился он. И переспросил: – Значит, во главе «Торы» стоит Вергельд.

– Да, – подтвердил Ришпен. – Ты слышал о нем?

Адвокат досконально изучил так называемое дело Вергельда, а точнее, те материалы, которые удалось добыть Интерполу на этого международного преступника. В досье Интерпола на Юрия Вергельда помимо фамилий, под которыми он мог скрываться, были перечислены его клички. Собственно, одна из фамилий – Вергельд – и являлась кличкой. Однако его «позывным», под которым он выходил в эфир, был Доктор Геббельс...

– Нет, – ответил Николаев на вопрос Ришпена, – никогда не слышал о таком человеке. Но вряд ли Вергельд – его настоящая фамилия. Скорее псевдоним.

– Почему?

Адвокат был вынужден пояснить:

– Вергельд в германских Варварских правдах – законах означало денежное возмещение за убийство свободного человека.

– О-о... – многозначительно протянул Арман. – Сколько законов ты изучил.

– Пригодилось же, – ответил адвокат.

Ришпену пришлось ответить на пару телефонных звонков, послать факс. Алексей же анализировал ситуацию.

Что он мог сказать о Вивьен Гельфанд? Только то, что почерпнул из разговора с ней. В ней было больше от исполнителя, чем от руководителя. Кто стоит за благотворительным фондом «Миссия Вивьен»? Чьи приказы она выполняет? Каковы истинные цели «Миссии»? Почему юридический адрес израильских миссионеров во Франции? И еще много вопросов, на решение которых требуется время. А его дефицит адвокат начал ощущать уже сейчас.

Ришпен вернул его в реальность, вручив ему визитку Вивьен.

– Она сунула мне ее перед уходом.

– В задний карман брюк, – уточнил Нико. – Я видел ее жест иллюзиониста. Она своей ножкой потерлась о твою и, прильнув к тебе, сунула визитку тебе в карман на заднице. Не упустила момент ущипнуть тебя. Мне показалось, она облизнулась при этом.

– Позвони ей часиков в семь вечера и назначь встречу. Ты неплохо знаком с нашими ресторанами, выбери что-нибудь оригинальное, она оценит.

– Я так и сделаю, – пообещал Алексей.

– Есть идея?

– Она родилась в тот момент, когда я глянул на ее шнобель. – Нико позволил себе немного пофилософствовать: – Про ее шнобель красиво можно сказать только на идише или иврите. Не знаешь, в каком кабаке подают жаренную на вертеле мацу?

– Приезжай на Пасху, – кисло улыбнулся Ришпен.

– Вы неплохо говорите по-французски, – отвесила комплимент Вивьен, не дождавшись от Нико похвалы в свой адрес. Она пришла на встречу в изысканном платье, намалевав на лице копию биатлонистки Торы Бергер: белесые ресницы, крупные зубы с широкими щербинами. Лицо, которое трудно забыть. Одним словом, она была сама индивидуальность.

– Мы с Арманом пару лет общались на двух языках. Он осваивал русский, я – его родной.

Вивьен указала пальцем вверх:

– Дело было на МКС?

Нико несколько секунд смотрел на нее неотрывно. Подавшись вперед, он понизил голос:

– Почему бы нам не развлечься привычным способом?

– Каким? – Она подыграла ему и тоже придвинулась ближе.

– Русские говорят: мы любим повеселиться, особенно – пожрать. – Алексей принял прежнее положение и заглянул в меню. Официант, убрав руки за спину, терпеливо дожидался заказа.

– Здесь я не вижу курицу-гриль, – дурачился Нико. – У вас можно отведать мясо обезьяны?

– Нет, мсье.

– Мясо пальмовых крыс и муравьедов-панголинов?

– Нет, мсье.

– Ладно, этого дерьма я нажрись в Африке.

Вивьен сделала заказ. Официант разлил вино. Николаев не стал отказываться и выпил, поглядывая поверх фужера на собеседницу. Он был одет в тот же костюм, сменил только рубашку.

– Ты была в Камеруне?

– Много раз.

– Расскажи, что сумеешь.

– С чего начать, не знаю. – Она решила начать с еды, как сделал это Нико, и делая упор на его прижимистость. Днем в офисе Ришпена она спросила о том, сколько он готов выложить за лишних пассажиров, он оценил эту услугу строго по тарифам: оплата полета в два конца. Молодец он вообще-то. – В Камеруне можно поесть в день на десятку баксов. А на улице раз в пять дешевле. Жилье стоит от десяти долларов...

Она увлеклась, увлекая рассказом и собеседника. Камерун – мини-Африка, рассказывала Вивьен. Название страны восходит к португальскому слову «камарос» – «креветки». Португальцы именно это слово выкрикивали, пристав к берегу в районе нынешней Дуалы в 1472 году.

– Ты миссионер, так?

– Да.

– Значит, кое-что сможешь рассказать про тамошние права человека.

– Там всем плевать на права человека, – ответила Вивьен. – Полицейские могут обстрелять машину, людей без суда и следствия. Особо это касается криминальных элементов. Белый цвет кожи для них, как красная тряпка для быка. У них в запасе сотни правонарушений, которые они охотно повесят на белых. Особенно часто они объявляют территорию, на которой оказались белые, секретной зоной и начинают вымогать деньги.

– Отлично. Дальше.

– Как ты относишься к горцам?

– Которые на Кавказе? Или уральские тоже сгодятся?

Вивьен рассмеялась.

– Я к ним не отношусь, – ответил Нико. – Хотя я не чистокровный русский. Во мне восьмая часть корейца. Одна знакомая сказала мне, что эта часть – лишь легкий отпечаток на моем лице, который придает мне азиатское очарование.

– За это стоит выпить.

Что они и сделали.

– Есть в Камеруне музыканты? – спросил Нико.

– Конечно. Сэм Фэн Томас, например, исполнитель стиля бикутси.

– Классическую музыку в Камеруне любят?

– Уверена, слушают с удовольствием. Для них это равносильно экзотике.

Только близкие знали о хобби Николаева. Он собрал неплохую коллекцию скрипок, среди которых сам лично на первое место ставил две – работы сербского мастера Божко.

– Горожане продвинуты, – слушал он вполуха Вивьен. – Лишь половина населения неграмотна. Средняя продолжительность жизни – 48 лет.

«Выходит, я в среднем проживу еще пятнадцать лет, – высчитал адвокат. – Если, конечно, застряну в Камеруне надолго».

Он мысленно трижды сплюнул через левое плечо.

– В Дуале и Яунде есть телевидение, Интернет, телефоны, сотовая связь. Но в основном камерунцы – темная масса. Женщины очень любят белых людей...

Нико вдруг показалось, что в голосе «еврофранцуженки» он различил ревнивые нотки. И невольно стал выискивать эти ноты, как придирчивый дирижер.

– В некоторых местах чернокожие красотки натурально пристают к белым мужчинам, обнажая свои негритянские прелести. Обстановка в барах очень раскованная. Белому, однако, следует избегать дешевых забегаловок, где собирается местный плебс. Там на белых смотрят, как на сладкую боксерскую грушу.

Вивьен чуть отклонилась от темы.

– Ты спрашивал о моих связях во французском посольстве Камеруна.

– Это так. Арман сказал, что ты мне поможешь.

– Он так не сказал. «Обратись к Вивьен. У нее тесные узы со вторым секретарем». Вот его слова.

– Узы дружбы или любовные узы?

– Ты повторяешься.

– Ты тоже. Так поможешь мне в этом вопросе?

– Что сможет сделать второй секретарь?

– Перейти границу с Чадом, – сказал Нико. – После похищения девочки выход через Камерун нам перекроют.

– Почему бы тебе не выбить визы в Москве?

– Никто не должен проследить наш маршрут.

– Ты осторожный.

– До некоторой степени. Второе. Нам понадобится проводник. А лучше – проводница. Трое белых мужчин с черным ребенком привлекут к себе внимание. Я планирую находиться рядом с человеком, который с ребенком выглядел бы естественно. Поговорим о Вергельде?

– Если тебе интересен Вергельд, поговорим о нем, – фыркнула Вивьен. – Он большую часть времени проводит в Африке. И уже большую часть жизни оставил на Черном континенте. Там его работа, там его досуг. Я говорю об охоте.

– На хищников?

– В Африке на безобидных зверюшек охотятся разве что дети, – доходчиво объяснила она. – У Юлия роскошный дом в Таллине. Стены увешаны трофеями – головы и шкуры убитых им животных, полы устилают шкуры добытых им львов. Но это больше для его гостей. А в Чаде он живет в палатке. Полевая жизнь для таких, как он.

– А дети?

– Что – дети?

– Сироты. Или якобы сироты. Они для него тоже вроде трофеев? Чаще всего убивают львицу, чтобы взять львят голыми руками. И увезти. За океан. Посадить в клетку. Я слышал, один экспериментатор ставил опыты именно над львятами. Замучил пять или шесть детенышей. Больше ему не позволило правосудие.

– Чье правосудие?

Адвокат указал рукой и глазами вверх.

– Ты рассказываешь ужасные вещи... – Вивьен постаралась сменить тему. – Юлий любит Африку, уважает традиции народов, даже нетрадиционные, – улыбнулась она.

– О чем ты говоришь?

– В первую очередь о культе вуду. Что всегда завораживает, оставляет место для необъяснимого.

– Он что, участвует в ритуалах? – в голосе адвоката прозвучала заинтересованность. Вот еще одна деталь, о которой в Интерполе и не подозревали, подумал он.

– Почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась Вивьен. – Эта тема интересует тебя потому, что она увязана с делом, которое ты ведешь?

– Разумеется.

Она продолжила.

– Не знаю. Не слышала, чтобы Вергельд был замечен в ритуалах. Он не исповедует этот культ, может быть, поклоняется ему. На празднествах он частый гость. Ты, наверное, видел в кино или вживую, не знаю, как тепло встречают гостей на Гавайях. В поселках и городках Чада тепла ничуть не меньше, чем на тихоокеанском острове.

– Кто бы сомневался. Я говорю о чадском тепле, – пояснил адвокат.

– Нарядные красивые женщины, – продолжила Вивьен с такими интонациями, словно сама себе делала комплимент. – Ленты, венки, улыбки, угощения. А еще маски, музыкальные инструменты, танцы. Непередаваемый колорит. Ну и высокие гости, которые наряду с простыми людьми ждут на этом празднике чудес. И они случаются.

– Хромые отбрасывают костыли и идут самостоятельно?

– В Священном Писании сказано: «И был я слеп, а теперь вижу»... На празднествах случаются чудеса и покруче, – не без вызова ответила Вивьен.

– То есть чудеса приурочены к празднествам?

– Можешь истолковать в этом ключе. И праздник не испортит появление в самый разгар веселья умершего накануне человека.

– Господи боже мой...

Глава 5

Алексей Николаев настаивал на личной встрече с директором российского бюро Интерпола, однако в холле его перехватил один из помощников директора – артистично, даже подчеркнуто развязный человек лет тридцати пяти. Ему был к лицу серый костюм и темно-синий в светлую полоску галстук, но, на взгляд Николаева, не подходило имя: Зотов Николай Ильич, будто позаимствованное у помещика.

– Привет, Нико! – первым поздоровался Зотов.

– Привет!

Они обменялись рукопожатием.

Зотов привел Николаева в свой кабинет, меблированный в стиле модерн.

– Двенадцать лет работаю на Интерпол, а у тебя впервые.

– Ну, стаж у меня в три раза меньше, – заметил Зотов. В НЦБ Интерпола, который являлся самостоятельным структурным подразделением МВД на правах главного управления, он имел должность старшего оперуполномоченного по особо важным делам.

Нико сравнил его с наперсточником, сучащим по картонке и раскручивающим очередного клиента, когда тот разливал коньяк в крохотные серебряные стаканчики. Правда, пояснил:

– Для запаха.

Нико рассмеялся:

– Почему бы тогда не тяпнуть по бутылке?

– Я в том смысле «для запаха», что дури в нас и так хватает.

Они выпили. Зотов приступил к делу и начал издалека.

– В этом году были объявлены в розыск больше двухсот человек, половина из них по уведомлению «с красным углом».

Николаев покивал. На уведомлениях с фотографиями преступников, объявленных в розыск, издаются спецуведомления: с «красным углом» – на лиц, подлежащих аресту и выдаче стране-инициатору; с «синим углом» – на лиц, разыскиваемых, но не подлежащих выдаче на момент издания уведомления; с «желтым углом» – на пропавших без вести лиц.

Плюс Интерпол создает еще ряд уведомлений: с «зеленым углом» – информация упреждающего характера на лиц, склонных к противоправной деятельности; с «черным углом» – информация по неопознанным трупам; с «оранжевым углом» – информация по юридическим лицам и иным организациям, предположительно причастным к террористической деятельности.

На основании поступающей информации НЦБ Интерпола осуществляет формирование баз данных. Объектами учета являются юридические и физические лица, автотранспорт, огнестрельное оружие, поддельные денежные знаки, культурные ценности, удостоверения личности и проездные документы.¹

– Скажи, Нико, что больше всего тебя привлекает в работе на Интерпол?

У адвоката был готов ответ на этот вопрос, и созрел он давно, еще в далеком 1995 году. Официально это звучало так: «Интерпол работает исключительно в сфере борьбы с уголовными преступлениями, не затрагивая преступлений, носящих политический, военный, религиозный или расовый характер». Основная задача филиалов Интерпола – «поиск своих преступников за рубежом и выдача чужих другим странам». Наверное, именно это и объединяло всех сотрудников международной полицейской структуры.

¹ По информации Министерства внутренних дел РФ.

– Я внимательно ознакомился с твоими соображениями, – сказал Зотов. Он достал из верхнего отделения сейфа, которое называл «текущим», папку с эпизодом из досье Вергельда и бросил ее на стол. Закрыв хранилище, доходящее ему до подбородка, Николай Ильич жестом руки усадил адвоката напротив. – Этот тип проходит у нас как особо опасный преступник, скрывающийся за бугром, с уведомлением «красный угол».

– Красный-то он красный, но какой стране выдавать преступника? Эстонии? – Нико развел руками. – Едва Интерпол передаст его правоохрательным органам Эстонии, они тут же отпустят Вергельда на свободу. В этом плане он мне напоминает профессора Преображенского из «Собачьего сердца». Помнишь, Швондер пришел отобрать у него пару комнат, а профессор позвонил Петру Ивановичу и сказал, что операция отменяется и что он уезжает в Париж? Вергельд тоже решает подобные проблемы одним телефонным звонком.

– Пора закрыть проблему по имени...

– Надо в законодательстве дыры закрывать, – перебил Николаев. – В Германии функционирует Национальный совет по этике. Жюри предлагает принять закон, позволяющий значительно увеличить число пересадок донорских органов.

– А что и кому дадут эти правила?

– Что и кому? Правила дадут медикам возможность рассматривать каждого умершего как потенциального донора для трансплантации органов, даже если он не дал соответствующего разрешения при жизни.

Зотов покачал головой, не соглашаясь с адвокатом.

– Совет по этике попросту предлагает рассматривать молчание потенциальных доноров в качестве согласия на использование их органов после смерти.

– Молчание ягнят по-немецки?

– Если хочешь. В Германии умирают ежегодно около тысячи человек, – продолжил Зотов. – Я говорю о тех, чьи жизни могли бы спасти органы доноров. О чем это говорит?

Они оба знали ответ, поэтому Николаев предпочел не отвечать. Соль заключалась в том, что Вергельд за это время мог обработать богатых клиентов не раз, фактически ежемесячно делать им upgrade. А если дело касалось детей богатых клиентов, то здесь дела шли успешнее в разы; родители ради здоровья ребенка шли на все, влезали в долги, и им было плевать на то, что почка будет забрана у другого ребенка и он в лучшем случае останется калеккой на всю жизнь.

Как обстоят дела в России с донорскими органами, Николаев знал по роду своей профессии. Теневой рынок, конечно же, существовал. Были приняты поправки к федеральному закону «О трансплантации органов и (или) тканей человека», которые позволяют муниципальным учреждениям здравоохранения производить забор органов и тканей. В России за год необходимо проводить пять-шесть тысяч операций по трансплантации; производить забор органов и тканей на коммерческой основе запрещено. Кроме того, нет программы по содействию трансплантации, из-за того и процветает теневой рынок.

– А что у нас? – спросил Зотов. – Что говорят в Минздраве?

– В Минздравсоцразвития, – поправил его Николаев. – Слышал, в министерстве готовят документ, разрешающий детскую трансплантацию. У этого проекта есть противники.

– Как и у каждого проекта, – мимоходом заметил Зотов. – Главный аргумент – это, как я понял, похищение и продажа детей на органы. В год пропадает до шестнадцати тысяч детей, правильно?

– Правильно, – подтвердил Нико. – Пропавшие дети в ряде случаев становятся жертвами преступных группировок, которые работают на заказ, под определенного клиента. У нас запрещена пересадка детских органов. Операции по трансплантации проводятся за границей, в большинстве случаев – в ближнем зарубежье. Каждый год в пересадке почки нуждаются двести детей, еще сотне нужна пересадка печени. Нет прецедентов, как в судебной

практике, к примеру. Взять Китай. В этом вопросе китайцы продвинулись далеко, копнули под критерий «физической смерти мозга». Причем заметь, врачи, допущенные к выполнению операций по пересадке органов, не имеют право принимать участие в констатации смерти человека, органы которого будут использованы для пересадки.

– Напомни, сколько больниц в Китае, где проводят операции по трансплантации?

– Больше ста пятидесяти.

Зотов развел руками: о чем еще говорить?

Он вернул Николаева поближе к теме.

– Пробежимся по досье Вергельда, что нам известно достоверно. Пару лет работал на спонсорскую фирму «Икс», затем только на себя. За *организацию* операций по пересадке почки установил единый тариф – сто шестьдесят тысяч долларов. На операцию по пересадке почки скостил десятку, и стоимость ее составила сто пятьдесят тысяч. В операции принимают участие до десяти человек медперсонала. Достоверно установлено, что часто операции проводят в Таллине. Тогда часть денег уходит на аренду самолета. Раньше Вергельд совмещал две должности: поставщик доноров и директор спонсорской фирмы. Когда его взяли за жабры, он ушел от ответственности, поскольку следствие установило: его фирма не занимается поиском доноров, а только организует финансирование операций. После того случая он ушел в тень.

Зотов закрыл папку, взял чистый лист бумаги и, чуть помешкав, наморщив при этом лоб, предложил адвокату:

– Давай пробежимся по фигурантам, включая отобранных тобой людей. О них мы поговорим в последнюю очередь. Первый – это...

Николаев заполнил предложенную паузу:

– Алан Ришпен. Надежный, проверенный в деле человек. И вопрос, доверяю ли я ему, отпадает.

– Номер два – Вивьен Гельфанд, – зачитал Зотов. – На нее ты вышел через Ришпена, с которым у тебя отнюдь не случайная связь, а давнишние плодотворные контакты, что очень важно – не прерывающиеся по сей день. Это очень хорошо. В цепочке, которую мы прокладываем к Вергельду, случайных людей и связей быть не должно. Он легко вычислит этот момент.

Назвав имя главы гуманитарной миссии, Зотов взял минуту на размышление. Оперативная группа, в которую входил и он, работала по Вивьен Гельфанд и три, и четыре года назад. И только сегодня представилась возможность воспользоваться прежними наработками.

– Одним словом, вынимаем Вивьен из корзины – как удаленный некогда файл.

Николаев мысленно поплодировал Зотову за его оригинальное сравнение. Тот продолжил:

– Второй секретарь посольства Франции в Камеруне Энтони Ян. Должность в посольстве – его прикрытие. Он сотрудник французской внешней разведки. Он охотно пойдет на контакт с тобой. Значит, загодя постарается узнать о тебе как можно больше. Из открытых источников: твой сайт, публикации твоих дел, комментарии, отзывы и прочее. В этом «прочем» частоколу трудно заметить просвет, называемой работой на Интерпол. За двенадцать лет ты сколько раз был задействован нашей службой?

– Семь, – ответил адвокат. – Три дела пришлось на первые два года.

– Никогда не думал, что о тебе забудут?

– Никогда не забывал, – внес существенную поправку Николаев. – Поэтому периодически напоминал о себе: вот я, идиот по прозвищу Нико, трахните меня.

– Вернемся к нашим баранам. Мы остановились на Энтони Яне. Он окажет тебе услугу, можешь не сомневаться, с тем чтобы вскоре обратиться к тебе. Прежде чем обсудить кан-

дидатуры спецназовцев, поговорим о твоей клиентке, чтобы не возвращаться к ней никогда. Насколько я понимаю, уголовное дело, возбужденное против нее, получило широкую огласку. В ее защиту прошел даже митинг у здания суда. Группа нацболов требовала ее освобождения. Боже, им так хочется, чтобы ее признали виновной в убийстве своей чернокожей дочери, что они даже согласны на ее освобождение. С ума сойти. Но главное – это подлинная история, сфабриковать которую невозможно.

– Однако можно взять на вооружение.

– Согласен. Но в таком случае, в цепочке, ведущей к Вергельду, определенно будут видны слабые звенья: связи, люди. А в нашем случае все крепко взаимосвязано. Я не случайно сказал «случай».

Адвокат снова согласился с ним.

– Мы принимаем стечение обстоятельств. И Вергельд окажется в таком же интересном положении: ему придется поверить в случай, когда мы встретимся.

– Ты рискуешь головой, – напомнил Зотов, – но не только своей.

– Говоришь о ребенке? – Он пожал плечами. – Ребенком рискует мать. Я же защищаю обеих.

– Хорошо. Поговорим о спецназовцах.

– Одну секунду, – остановил его адвокат. – Мое предложение вы долго мусолили у себя наверху?

– Нас всего сто человек, и где верх, где низ, не знаю даже я, – сделал ремарку Зотов. – Мы заинтересовались, очень заинтересовались твоим предложением. Мы готовы рискнуть головой, но только твоей. – Он передал адвокату две папки с материалами на двух человек – Павла Живнова и Александра Каталина – со словами: – Здесь дополнительные сведения, которые тебе пригодятся. С нашей точки зрения, они чисты. Профессиональную сторону оценивать не нам – тебе с ними работать. Только не переусердствуй, Нико, и настраивайся на это уже сейчас. Пока что все наши усилия сблизиться с Вергельдом к успеху не привели. Если ты пожмешь ему руку, это можно будет назвать прорывом.

Глава 6

На дворе стояла промозглая погода: безветренно, мелкий частый дождь, сыплющий из нависших над землей туч.

Павел Живнов промок до нитки, пока добежал от станции метро до адвокатской конторы. Лишь раз он остановился, найдя временное убежище под узким навесом киоска. Ему пришлось прижаться спиной к витрине, чтобы не попасть под низвергающийся с козырька водопад.

Ленивый охранник на входе в офис указал посетителю путь: по коридору направо.

В приемной адвоката восседала за столом полная секретарша лет сорока пяти. Она свое дело знала назубок: извинилась перед абонентом, с которым разговаривала по телефону, и поздоровалась с вошедшим:

– Здравствуйте! Могу я вам помочь?

– Моя фамилия Живнов. Мне... назначено, – с небольшой запинкой ответил он, послав взгляд на дверь с золоченой табличкой: «А.Н. НИКОЛАЕВ». На входе в офис он увидел нечто схожее:

Московская коллегия адвокатов.

«Н и К».

Юридические консультации.

Защита по уголовным делам.

– Точно, – секретарша посмотрела в пухлый органайзер. – Алексей Николаевич просил извиниться. Он освободится через полчаса. Советую вам скоротать время в нашем буфете – там мы называем наше кафе. Это на втором этаже.

– А здесь нельзя подождать? Пока ваш шеф освободится.

– Можно. В буфете сейчас еще один клиент Алексея Николаевича, по одному делу с вами.

– К нему прям очередь, – съязвил Живнов, малость обескураженный неожиданным приемом.

Буфет оказался буфетом в прямом смысле этого слова. По сути – барная стойка, только на советский лад. Больше дерева, нежели пластика, меньше стекла и зеркал. И – меньше выбора.

Живнов, перешагнув порог заведения, глянул в зал. За одним из полутора десятков столиков устроился парень его возраста – лет двадцати семи. Он потягивал кофе по-американски: из пол-литрового стакана. Рядом со столиком сох на полу разложенный зонт.

Живнов заказал бутылку рислинга, прихватил пару бокалов и подошел к единственному посетителю.

– Привет! – поздоровался он. – Ждешь, когда освободится адвокат?

– Ага. Ты тоже к нему?

– Да.

– Присаживайся. – Он покрутил бутылку, которую Живнов выставил на стол. – Знаешь, я тоже хотел косорыловки заказать, потом раздумал: типа, запах изо рта может адвокату не понравиться. Саша, – представился он.

– Паша, – улыбнулся Живнов.

– Опять в рифму, – покачал головой Каталин. – Вот непруха.

Парни обменялись рукопожатием.

Живнов разлил вино. Он хотел было спросить у Александра Каталина, где тот размещал свое резюме, кто связался с ним и кем представился, предлагая работу, что он знает о ней.

– Мне кажется, это адвокатские штучки, – подал голос Каталин.

– В каком смысле?

– Я не думаю, что он занят. Нас отослали в буфет, чтобы мы смогли познакомиться.

– А адвокат будет дырка смотреть.

Они рассмеялись.

Живнов, потягивая кисловатое вино, понял одно: их резюме не сильно разнились. У него, например, попросили уточнить некоторые пункты. Действительно ли он проходил службу во французском легионе. Да, но не пять лет, срок, на который он заключил контракт. Он сбежал, не дослужив восемнадцать месяцев. Но и три с половиной года в африканском пекле ему хватило за глаза. Почему именно этот пункт в его биографии заинтересовал работодателя, Живнов не представлял. Твердо был уверен в одном: работа в Африке ему не грозит. И все же один вопрос он новому знакомому задал:

– Ты ищешь временную работу?

– Да. В анкете после «временная» указал в скобках: разовая. Думаю, меня поняли.

– У меня такая же ситуация. Срубил «капусты», и два-три месяца можно плевать в потолок.

– Работал на правительство? – спросил Каталин.

Живнов покачал головой.

– Только на частных. Специализировался на розыске пропавших без вести: Чечня, Дагестан, Ингушетия, Грузия. Работал в группе: прикрытие, отход.

– Стрелять приходилось?

– Не всегда. Но бывало так, что вывозишь найденыша легально, а тебя обкладывают, как волка. И когда довозишь до места – тоже не расслабляешься. Нервная работа. А ты чего про правительство спросил?

– Кидалово у них. Я как-то подрядился за солидные бабки, в Ингушетии два месяца грязь месил, деньги до сих пор обещают. Я слышал, даже частники наемников через госструктуры нанимают. Короче, переадресацией занимаются. С частного можно спросить, а с государства не спросишь. Я не перебарываю вранье в глаза. Суки, что делают, а?

Парни потихоньку переходили на привычную им лексику.

Живнов частенько поглядывал то на часы, то на дверь. Каталин легко расшифровал его жесты:

– Либо мы уйдем отсюда по часам, либо за нами притакает секретарша. – Он раздул щеки, изображая полную женщину.

Но оба ошиблись. Не прошло и двадцати минут с их знакомства, дверь открылась, и в помещение вошел Николаев. Ответив на приветствие бармена, он, коротко глянув на парней, молча поманил их за собой, будто давних знакомых. Приятели недоуменно переглянулись. Живнов жестами и мимикой спросил у товарища: «Вино заберем?»

В приемной ничего с тех пор не изменилось. Секретарша по-прежнему разговаривала по телефону. В этот раз она оторвалась от трубки, прикрыв ее ладонью, и проартикулировала, помогая себе глазами: «Он ждет вас».

– Прокатываем за своих, – заметил Живнов. С этими словами он открыл дверь и первым вошел в кабинет адвоката.

Николаев успел устроиться за столом, расстегнуть пуговицы на пиджаке и перебрать какие-то бумаги. Он жестом руки усадил Живнова и Каталина за маленький столик, стоящий вплотную к его рабочему столу.

– Ну и дожди, правда, парни? Как в Индии. А ведь только вчера стояла жара. Жара и дожди разделены стеной тающей на глазах влаги. – И без перехода продолжил: – Я выбирал из сотни претендентов. Мой выбор пал на вас. Осталось выяснить, подходят ли вам мои условия и характер работы, работы, требующей навыков, которыми вы оба обладаете. Вы знаете французский, английский?

– Я бегло говорю по-французски, – ответил Живнов. – Сказались несколько лет каторги во французском легионе.

– Не знаю, как это – говорить бегло, – сказал Каталин. – Когда я говорю по-французски, меня все понимают.

– Это я и хотел услышать.

– Какого рода работа?

– Из области «больше ничего не остается, и почему бы не рискнуть». Одна из твоих любимых.

– К чему эти заезды насчет французского языка? – спросил Каталин. – Если намечается работа в Париже или Марселе, так и скажите.

Адвокат рассмеялся: ничего себе, вот это парни раскатали губы.

– Есть такая страна – Камерун называется, – непрозрачно пояснил он.

Каталин присвистнул:

– А нет задания попроще? Для блондинов, например.

Павел Живнов остался спокойным. Даже тень равнодушия накрыла его лицо, когда адвокат вкратце объяснил суть задания.

– Одна операция прикрывает другую. Наша настоящая цель – международный преступник. Нет, не его ликвидация – это было бы верхом триумфа. Этот человек хитер, как лис. Попытки внедрить в его отряд агента спецслужб заканчивались неудачей. Наша задача разведывательная. Материалы, собранные нами, помогут спецслужбам покончить с Вергельдом.

Вот в чем дело, пронеслось в голове Живнова. Пожалуй, только сейчас он осознал объем и сложность операции. В любой другой ситуации он назвал бы ее уникальной. Может быть, мешали мысли об адвокате. А ведь минуту назад он думал: «Какого черта адвокат взвалил на себя фактически „мировотворческую“ миссию, название которой могло в любой момент поменяться: например, „миссия невыполнима“?» Он даже обернулся на Каталина. Они могли рискнуть и не раз рисковали своей головой, но какого черта Николаев, юрист по образованию, тянет натуральную пустышку? Приличных денег он с нее не поймее, славы тоже не сыщет. Что осталось?

Он перебрал в голове скудный набор «адвокатских терминов». Вознаграждение по договору и премия за успех, собственно, «гонорар успеха». Адвокат защищает не своего клиента, но его права. Судебные издержки, затягивание дела по инициативе адвоката – все это из его кармана. А в этом деле он, похоже, уже проявил инициативу. Как он будет выглядеть в глазах своих коллег, судей, обвинителей, если откажется от этого дела?

Но вот все прояснилось: пустышка оказалась пустышкой, прикрытием для основной операции.

– Сколько это будет стоить? – спросил Каталин.

– Девяносто тысяч долларов на двоих, – назвал сумму контракта Николаев. – Плюс полное содержание, начиная с этой минуты.

– А если округлить до ста? – Каталин подался вперед, и в его движениях просквозила алчность. – Работа, как мы понимаем, не из легких, за границей.

– Я понимаю тебя. Уже четыре месяца у тебя не было стоящей работы – так, по мелочам, – адвокат положил руку на пластиковую папку с личными данными на Каталина. – Я

округлю до ста, – согласно покивал он. – Но то будет называться премиальными. За качество, – после мимолетной паузы добавил Николаев.

– В смысле, с головы девочки, которая будет служить нам прикрытием, не должен упасть ни один волос, а с головы Вергельда их должно упасть как можно больше?

– В этом роде.

– А кто хозяин? На кого вы работаете?

– Я работаю сам на себя, – ответил адвокат.

Наступила пауза. Николаев воспользовался этим и более внимательно изучал парней. Ему действительно пришлось выбирать из сотни претендентов, разместивших свои резюме на сайте. Первым на заметку попал Павел Живнов, имеющий боевой опыт в странах Африки. И уже к нему адвокат начал подбирать пару.

– Нам придется подписать какие-то бумаги, контракт? – нарушил молчание Живнов.

Николаев вынул из ящика стола две пачки долларов по десять тысяч в каждой.

– Это аванс. Как только вы возьмете деньги, вы автоматически ставите подписи под нашим договором.

Парни переглянулись. Каталин первым «расписался», забрав деньги и положив их в карман.

– Итак, имя нашей клиентки – Ирина Бекатору. – Адвокат вышел из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. У него был такой вид, будто он разговаривал сам с собой. – До 2000 года она проживала в Тирасполе. В 2001-м вышла замуж за бизнесмена из Камеруна: поставка бананов, пальмового вина и масла, шампанского. Он уважал отца, на деньги которого открыл свое дело, но не законы, которые называл дикими. Он не был дикарем. Ирина познакомилась с ним в Москве, в ресторане молдавской кухни, где работала официанткой. Через год родила ему дочь. В прошлом году камерунец погиб в авиакатастрофе. Итак, как я сказал, пару месяцев назад дочь Бекатору похитили.

– Люди в черном?

Николаев громко рассмеялся.

– Похитители воспользовались следующей схемой: приехали в Россию по туристической путевке. В паспорте подставных родителей был указан ребенок пяти лет от роду. Он и был с ними. Но в Камерун вместе с похитителями вылетел другой ребенок, дочь Бекатору. Ее обвинили в убийстве дочери.

– А что насчет генной экспертизы? – спросил Живнов.

Адвокат поднял большой палец:

– Хороший вопрос. Генетическая экспертиза отцовства-материнства подтвердила биологическое родство. Из разговора с судьей и прокурором мне стало ясно: результаты экспертизы были фальсифицированы следствием. Тело камерунской девочки терминировали, так что сделать повторную экспертизу не представляется возможным.

– Бекатору в тюрьме?

– До суда она будет находиться под подпиской о невыезде.

– Ваша работа?

– Естественно, – ответил адвокат. – Единственное, что может спасти мою подопечную, – это генный материал.

– Подойдет даже тело.

– Я этого не говорил. Но появляется выбор, правда? – Он вынул из кармана ключи и бросил их Живнову. Затем написал на листе бумаги номер телефона Бекатору. – Позвони ей, назначь встречу от моего имени. Она знает мою машину, на ней я забираю ее из СИЗО. Дай ей понять, что благоприятный исход дела напрямую увязан с тобой.

– Я знаю, как вести разговор.

– Эй! – Каталин поднял руку. – Я здесь, не забыли? Или мне другая работа светит?

– Поедете вместе.

Адвокат не стал ничего объяснять. Ему казалось, он дал ясно понять, кого он назначил старшим пары.

Живнов и Каталин переглянулись. Им дали задание, которое не перекликалось с предыдущими операциями, даже, на взгляд Живнова, противоречило им. Впрочем, он подобрал неплохое определение – оперативная работа, отбросив разыскную составляющую, и все стало на свои места.

Он сделал звонок из приемной и назначил Ирине Бекатору место встречи – подальше от дорожных заторов.

Он узнал клиентку по тому, как она глазами облизывала машину Николаева. Когда она изящно склонилась над дверцей пассажира, Каталин тихо обронил товарищу:

– Сутулая, курносая, с кроличьими зубками. Был бы я негром из Камеруна, тоже запал бы на нее.

– Ирина? – Живнов улыбнулся ей.

– Да. – Она резко распрямилась, чуть втягивая голову в плечи, будто над ней нависла притолока.

– Меня зовут Павлом. Садись в машину, Ирина. Отъедем немного.

Она была одета в хлопчатый блейзер, который был ей к лицу и гармонировал с сиреневым топом, и юбку. Она немного растерялась, попав в мужскую компанию. Ответила на приветствие Каталина.

Припарковав машину напротив сквера, Живнов приступил к делу:

– Я в курсе твоей проблемы. Меня предупредили, чтобы я держался подальше от нее. Но это мне не мешает. Начнем с самого начала. Считаю, я ничего не знаю.

– Кто вы? Помощники Николаева?

– Иногда нас называют партнерами, иногда детективами, но чаще всего – космонавтами.

– Космонавт на жаргоне – лох, которого посылают на трудное задание, – объяснил со своего места Каталин. – Жертва, короче. Кто мог выкрасть твоего ребенка?

– Отец моего покойного мужа – Ибрагим. Только он.

– Пару слов о нем.

Она прикурила сигарету. Живнов бросил в рот жвачку и опустил стекло со своей стороны.

– Ему пятьдесят два. У него четыре жены и девятнадцать детей.

– Мужик время зря не терял, – заметил Каталин. – Разбрызгивал сперму налево и направо. Это его отпрыски похитили твою дочь?

– Кто знает?.. Их я ни разу не видела.

– То есть ты не была в Камеруне?

– Нет, – покачала она головой.

– Мы слушаем.

Ирина рассказала о том, что узнала от покойного мужа. Камерунских султанов зовут фонами. Один из них придумал народу религию Новат Кавот – смесь анимизма, католицизма и ислама. Он же основал типографию, изобрел собственный алфавит – из восьмидесяти символов. Французы сослали его в Яунде, там он и умер. Из Фумбана его сослали в столицу. Победу над его религией и алфавитом одержал ислам. Но султан и сейчас не имеет государственной власти. А вот общественное влияние его огромно.

– С чем это можно сравнить? – спросил Живнов. – Может быть, с влиянием главного аксакала на Кавказе?

– Не в курсе...

Он долго молчал, перебирая в уме способы воздействия на молдаванку, и пришел к выводу, что лучше всего провести заметную черту между защитником и нападающим.

– Если я возьму твое дело, тебе придется раскошелиться на круглую сумму. Камерун – не Тамбовская область, сама понимаешь.

– Сколько? – без задержки спросила она.

– Могу назвать приблизительную сумму – триста тысяч долларов.

– Мне не хватит денег, чтобы оплатить услуги адвоката, – еле слышно обронила она. – Что остается? Продать квартиру...

– Или отдать ее задаром и перебраться лет на пятнадцать в женскую колонию. Поправь меня, если я ошибаюсь.

– Да нет, ты прав. Но дело больше в моей дочери. Я готова и на пятнадцать лет колонии, лишь бы вместе с ней.

Живнов не стал бросаться словами: «Вот это ты перспективу ей сляпала!» Собственно, он услышал дурной голос женской логики, о чем еще говорить? Она любила свою дочь и ради нее была готова рискнуть головой. Это читалось в ее глазах.

– Вы мне поможете?

– Как только получу деньги. Половину отдашь до ноября, остальные – когда получишь свою дочь.

– Ты сказал – «ноябрь»?

– Всего два месяца. Я знаю о Камеруне не понаслышке, – сменил он тему. – В плане природы эта страна – африканская Греция. Лучшие месяцы с ноября по февраль. Одно из самых влажных на земле мест. А в северных районах как раз зимой дует из Сахары харматтан и несет с собой пыль, песок, мусор. В другие месяцы еще хуже: по дорогам не проехать из-за дождей, и жарища адская.

– Ты был в Камеруне?

– Где я только не был.

– Значит, ноябрь... – еле слышно с поникшей головой сказала Ирина и даже, заметил Живнов, один за другим загнула пальцы: три месяца ждать. Тогда как ей казалось, у него на все про все уйдет не больше трех недель.

– Да, три месяца, – подтвердил Живнов. – Я должен рассмотреть проблему с разных сторон и взвесить возможные последствия. И ты можешь возразить: все так говорят. Да, пожалуй, ты будешь права. Но время проходит быстрее, чем мы успеваем заметить.

– Да, да, – несколько раз покивала она.

Живнов более внимательно взгляделся в лицо женщины и, помедлив секунду, спросил:

– Нездоровится?

Она зябко повела плечами.

– Не по себе последнее время. Кажется, что за мной наблюдают. А еще точнее, не спускают глаз. Будто кто-то посторонний всегда рядом. Когда лежу в кровати, он давит невидимой рукой на грудь, закрывает ладонью рот. Тогда становится трудно дышать. Сердца не чувствую. Будто кто-то завладел мной. Самое страшное то, что я, пытаюсь отыскать причину в похищении дочери, не нахожу ее. Что-то другое довлеет надо мной.

Живнов выслушал ее внимательно и скрыл озабоченность за прощанием на американский манер:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.